

Виктори́я Ба́ланшова

страсть
ревность
эшафот

История Англии в романах

Виктория Балашова

Страсть, ревность, эшафот

«Автор»

2023

Балашова В.

Страсть, ревность, эшафот / В. Балашова — «Автор»,
2023 — (История Англии в романах)

После смерти королевы Елизаветы сестра ее фаворита Роберта Деврё, графа Эссекса, решается рассказать дочери об истории их семьи, о сложных взаимоотношениях с королевой, своей любви и о трагической смерти Роберта. Более того, придется рассказать и о матери, в которую влюбился главный фаворит королевы Роберт Дадли, граф Лейстер. Что ждет новую избранницу графа, учитывая, что королева Елизавета не слишком симпатизировала предыдущей супруге Роберта, погибшей при странных обстоятельствах в замке Кенилворт? И как попадет на эшафот Роберт, которому так благоволила королева? Этот роман повествует о страсти, любви и ревности, которые привели многих к трагическому финалу.

© Балашова В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Январь, 1606 год	6
1566 год	7
1569-1572 годы	9
1573 год	11
1574 год	14
1575 год	15
1576 год	19
21 сентября, 1578 год. Замок Кенилворт	22
1579 год	25
1584 год	29
1585 год	33
1586 год	35
1587 год	37
1588 год	38
1589 год	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктория Балашова

Страсть, ревность, эшафот

*Твой памятник – восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.
Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыхание, – на устах!
(Уильям Шекспир) ¹*

¹ Перевод С.Я. Маршака

Январь, 1606 год

– Конечно, больше всех мне нравился Роберт, – немного подумав, ответила я на вопрос дочери. – С сестрой мы всегда были очень близки. Дороти – с раннего детства моя лучшая подруга. А Роберт... – я опять замолчала, пытаясь точнее ответить Летиции. – Его появления так ждали в нашей семье. И после смерти Робина ничто уже не могло идти как прежде. Пожалуй, я немного покривила душой. На самом деле, все изменилось после смерти отца. Если бы твой дедушка не умер тогда в Ирландии, рокового поворота наших судеб, скорее всего, не случилось бы.

– И тебя бы не выгнал из дому мой папа? – Летиция склонила голову к плечу, стесняясь и словно бы удивляясь заданному вопросу.

– Я бы за него не вышла замуж, детка. – На минуту я прижала дочку к себе. – Но я не жалею ни о чем. Ведь сложись жизнь иначе, у меня не было бы всех вас. Господь проявил милость ко мне: даровал одиннадцать детей. Четверо родились от Чарльза. Значит, наш с ним брак не признал только король, а там, на небесах нашу любовь благословили. Знакомство с Чарльзом излечило душу от боли, которую вызывали воспоминания о моем первом женихе и первой любви, Филиппе Сидни.

– Это он посвящал тебе свои сонеты? – Летиция опять смутилась. Так откровенно мы разговаривали с ней впервые.

– Да, дорогая. Я была его музой. Гибель Филиппа во время войны в Нидерландах стала ударом для многих. Прекрасный поэт, красивый мужчина, он нравился самой королеве Елизавете. Конечно, фаворитов вокруг нее крутилось огромное количество, – я вспомнила, как невысокая женщина в рыжем парике и с сильно напудренным лицом гордо шествовала по аллеям парка Ричмондского дворца в окружении целой свиты великолепно образованных, привлекательных молодых людей. – Но выделяла королева не всех. Филипп был одной из жемчужин ее коллекции. Впрочем, как и Роберт.

– Почему же она так поступила с дядей? – девочка широко раскрыла глаза и с ужасом посмотрела на меня. – Разве так можно поступать с жемчужинами коллекции?!

Несмотря на грусть, сопровождавшую любой разговор о брате, последняя фраза Летиции заставила меня улыбнуться.

– Нельзя. Но у королев и королев свои резоны. Нам, простым смертным, никогда не понять величины той ответственности, которую они несут перед народом, страной и Богом. Роберт был виноват. Чего тут скрывать. И даже после того, что он совершил, Елизавета могла его помиловать. Но нашлись люди, не позволившие свершиться чуду...

– Почему? Кто эти люди? – Летиция продолжала задавать вопросы.

Что ж, я сама решила рассказать ей историю нашего рода, историю своей жизни. Избежать рассказа о Роберте Деврѐ – втором графе Эссексе, о королеве Елизавете, о Роберте Дадли – графе Лейстере, и других людях, большинство из которых отошли, к сожалению, в мир иной, будет невозможно.

– Давай попросим принести нам фруктовый пирог и молоко, – предложила я дочке. – А я пока подумаю, с чего начать. Все-таки не с ответа на твой последний вопрос. За один вечер у меня не получится поведать тебе обо всем. Но мы ведь с тобой никуда не торопимся, не так ли? У нас впереди весь вечер и завтрашний день, и вся жизнь...

Сердце сжалось при этих словах. Сколько человек неожиданно призывал к себе Господь, не оставляя им времени, на которое они так надеялись. Или именно так и было задумано? Пожалуй, все они успели рассказать свои истории до конца. Просто кто-то написал сонет, кто-то рассказ, кто-то повесть, а кто-то умудрился написать целый роман.

1566 год

Роберт родился девятнадцатого ноября. Мы сразу об этом узнали: по замку Незервуд эхом прокатился крик младенца! Я помню, какая тогда ужасная стояла погода: на улице шел проливной дождь, небо заволокло темными, непроглядными тучами. Но погода не могла испортить настроение тех, кто присутствовал при родах.

Услышав детский крик, я шепнула сестре:

– Дороти, пошли, посмотрим на младенца, – Взяла ее за руку и повела в спальню матери.

Нашу маму, как и тебя, звали Летиция. Летиция Нолис приходилась родственницей самой королеве Елизавете по материнской линии. Поговаривали даже, ее мать являлась незаконнорожденной дочерью Генриха Восьмого, отца Елизаветы. Если это правда, то королеве твоя прабабушка была сводной сестрой.

– Мальчик! – объявил отец, когда мы вошли в комнату. – Спасибо, дорогая! Ты родила мне мальчика!

Наконец-то, после того, как небеса два года подряд даровали им дочерей, Господь смиловился и решил, что они заслужили сына. Отец обвел присутствующих счастливым взглядом:

– Да здравствует Роберт Деврѐ, второй граф Эссекс! Пусть принесут вино!

Одна из горничных мамы побежала отдавать распоряжения слугам. А мы подошли поближе, познакомиться с братом. Роберт перестал плакать и, причмокивая, сосал молоко из груди кормилицы. Он нам сразу понравился. Дороти исполнилось два года, мне – три. Мы ждали появления брата с нетерпением. Теперь мамина роль считалась выполненной, она могла вздохнуть спокойно. Рождение сыновей всегда сполна окупает волнения, связанные с тяжелой беременностью и родами. Мы с Дороти этого не понимали, но знали, что мама очень хотела родить именно сына.

Маме тогда было двадцать шесть лет, а отцу – двадцать пять. Я помню, он ее очень любил. А уж после рождения Робина, вообще смотрел на жену с обожанием. Папа отличался веселым нравом и просто безудержной энергией. Он регулярно ездил в Лондон к королевскому двору, выказывая преданность Елизавете. Потом я выяснила: маму королева не жаловала. Поэтому отец ездил один. Конечно, если бы он потребовался Англии для выполнения каких-либо важных поручений, он бы отсутствовал дома чаще. Но в Англии до поры до времени дела решались без его участия.

Что происходило в тот год? Шотландская королева еще не стала врагом Елизаветы. Елизавета не одобряла замужества Марии Стюарт. Тем не менее, конфликта не случилось, потому что Мария пригласила родственницу крестить своего новорожденного младенца. Ребенок вырос и сейчас стал королем Англии Яковом. Неизвестно, как бы обернулась его судьба, если бы в свое время Якова не окрестила английская королева...

В Ирландии и тогда вспыхивали бунты. Но мой отец еще не успел решиться на поход в эту постоянно воюющую против англичан страну.

Относительно мирное течение жизни способствовало деторождению. Когда наши отцы дома, у матерей рождается куда больше детей, чем в их отсутствие. Что правда, то правда. Это я испытала на себе. В отличие от меня, мама не пребывала в восторге от процесса вынашивания и рождения младенцев. Ее тяготила подобная обязанность.

Мы потоптались немного в спальне, пока на нас не обратил внимание отец:

– Вот ваш брат, – представил он нам Роберта.

А Робин продолжал сосать грудь, не обращая ни малейшего внимания на окружающих.

И в этом месте можно смело перескочить через три года, потому что ничего особенного в то время не происходило. Нет, так сказать нельзя. У родителей появилось еще два сына. Но бедный Френсис умер в младенчестве. А Уолтер рос слабым и терялся в тени старшего брата.

Мама с каждой беременностью себя чувствовала все хуже. После смерти Френсиса между ней и отцом наступило охлаждение. Былая любовь угасала на глазах.

Отец чаще и чаще отлучался в Лондон. Возвращаясь домой, он рассказывал маме о происходивших в стране событиях. Я тоже вкратце скажу, что успело произойти с момента рождения Роберта. Итак, та самая шотландская королева Мария Стюарт приехала в Англию. На родине после смерти мужа ее свергли с престола. Она могла бежать во Францию, все-таки Мария стала и французской королевой после своего первого замужества, или просить убежища у Елизаветы – родственницы по линии короля Генриха. Трудно сказать, совершила ли Мария ошибку, но в итоге она прибыла в Англию. Нельзя назвать ее положение завидным. Я считаю, шотландской королеве в принципе не доставало ума. Она все время впутывалась в заговоры. Точнее, ее впутывали.

В Англии почти сразу Марии подобрали жениха: герцога Норфолка, очень богатого человека. Герцог тоже не блистал умом. Он позволил вовлечь себя в эту странную историю, которую Елизавета увидела лишь как очередную попытку свергнуть ее с престола.

– Почему женитьба считается заговором? – дочка с любопытством посмотрела на меня и задала совершенно естественный вопрос.

– Я была слишком мала, чтобы разбираться в хитросплетениях политических интриг. Скажу одно: Норфолка обвинили в организации восстания католиков на севере страны. Его желание жениться на Марии посчитали верным признаком желания посадить шотландскую королеву на престол, свергнув с помощью католиков-англичан Елизавету. Вина герцога, как я понимаю сейчас, состояла в неправильном выборе друзей, которые настойчиво предлагали ему свататься к Марии и писать ей письма. Сам он до последней минуты клялся в верности Елизавете, уверяя в том, что не помышлял ничего против нее.

1569-1572 годы

Так вот, вспыхнувшее восстание на севере и поехал подавлять отец. Елизавета отметила его старания и назначила фельдмаршалом. Вместе с графом Уорвиком и лордом Клинтонем он отправился восстанавливать порядок. Маме от отца приходили письма, в которых он подробно отчитывался о совершенных подвигах. Нам письма мама зачитывала вечерами после ужина, расположившись у камина. В основном папины подвиги заключались в «свершении справедливого суда над грешниками», потому как сопротивление католиков совершенно самостоятельно угасло, не успев как следует разгореться. Испанцы, пообещавшие поддержку, так ее и не оказали. Марию Стюарт перевезли из замка, расположенного поблизости от восставших земель, подальше на юг. Королева велела еретиков казнить: тех, кто победнее – просто казнить, а тех, кто побогаче – с конфискацией имущества.

Указания Елизаветы отец проводил в жизнь с завидным усердием. Восставших вешали одного за другим. Суды вершились быстро, решения принимались одинаковые. Государственная казна пополнялась на глазах. Жених-неудачник, герцог Норфолк, был отправлен в Тауэр, где при Генрихе уже сиживал его дед. Четкой связи между Норфолком и восставшими не прослеживалось, но факт сватовства к Марии Стюарт не опровергался, а потому все связали воедино, и герцогу оставалось лишь писать Елизавете покаянные письма.

В отсутствии хозяина жизнь в замке Незервуд текла своим чередом. Самым большим вниманием со стороны матери и отца пользовался Роберт. Несмотря на нежный возраст, его воспитанию уделяли большое внимание. Мама любила с ним беседовать, как со взрослым. Мы не ревновали: нам с Дороти больше нравилось играть, а не учиться или слушать мамины рассказы про ее жизнь при дворе до замужества.

А вскоре Елизавета доказала: служба Деврё при дворе Ее Величества оценена по заслугам. Папе даровали титул графа Эссекса и орден Подвязки.

– Вашему отцу оказали великую честь, – мама собрала нас, детей, в самой большой комнате замка. – Его борьба с католиками отмечена королевой. Заговоры, которые плетут нечестивцы, раскрыты, а виновные понесли заслуженное наказание.

Мы стояли, раскрыв рты, и кивали. Мы успели хорошо усвоить, что католики исповедуют какую-то неправильную веру, а также зачем-то пытаются сместить с трона английскую королеву. Мы помнили, отец борется с этими странными, опасными людьми. И вот – награда за преданную службу. Роберту исполнилось к тому моменту шесть лет. Он мечтал о том, как вырастет и будет помогать отцу и королеве сражаться с врагами Англии.

– Одного из главных заговорщиков герцога Норфолка наконец казнили, – продолжала рассказ мать. – Не без помощи вашего отца доказали его связь с испанцами и намерение жениться на Марии Стюарт, чтобы затем занять трон.

– Когда отец вернется домой? – осмелился спросить Роберт. Очень уж ему хотелось спросить его о жизни в Лондоне и о борьбе с еретиками.

– Думаю, скоро он приедет, – мама ласково потрепала сына по волосам.

Она с нежностью смотрела на мальчика. Он был порывист, но отличался умом и легким, послушным характером. Летиция понимала: к несчастью, ей рано или поздно придется расстаться с любимым сыном. Но пока он мал, чтобы служить королеве. Пока он будет служить только матери: гулять с ней по паркам, которые окружали замок, слушать ее рассказы и восхищенно смотреть на нее из-под густых ресниц...

Отец и в самом деле вскоре вернулся домой. Оказалось, он не собирался останавливаться на достигнутом. Так как его порывы поощряла сама королева, Уолтер Деврё, граф Эссекс, мечтал о большей славе.

– Я предложил королеве свои услуги по колонизации Ирландии. Есть там провинция Ольстер, в которой не действует власть английской королевы. Со мной готовы идти в поход несколько весьма знатных людей из ближайшего окружения Елизаветы, – слышала я, как делился он с мамой своими планами. – Надеюсь, Ее Величество примет мое предложение. К сожалению, тогда вам придется пожить без меня еще некоторое время. С собой вас брать в Ирландию небезопасно.

Мама ехать в странную страну Ирландию и не собиралась. Но вслух она посетовала на свою непростую судьбу и искренне пожелала мужу удачи. Все же она успела отвыкнуть от него. К тому же отец не становился для нее привлекательнее. Постоянная борьба с заговорами католиков окончательно превратила его в сурового, жестокого мужчину, скупого на улыбку и ласку. Папа по-прежнему любил нас, баловал и привозил подарки, но мы все, пожалуй, кроме Роберта, чувствовали, как он изменился.

1573 год

Королева никогда не любила тратить деньги из казны Англии. Их она справедливо считала своими деньгами. Но если кто-то из ее подданных хотел потратить собственные средства на благо страны, она редко имела что-то против. План новоявленного графа Эссекса не выглядел бы идеальным при условии, что Елизавете пришлось бы оплачивать расходы. Ситуация же складывалась несколько иначе. Граф и его сторонники готовы были вложить в поход против ирландцев деньги.

План не отличался продуманностью, и некоторое время Елизавета все же медлила с ответом. В итоге она позволила отцу отплыть в сторону Ирландии. Вместе с ним в поход отправилось более тысячи человек. Никто не предполагал, чем это предприятие обернется для его зачинщика. Отец, уверенный в своих силах, шагнул на борт корабля в июле. Погода должна была благоприятствовать его начинанию, но планы начали рушиться сразу, еще в море.

«Дорогая, – писал нам отец осенью, – волею Божьей мы находимся вовсе не там, где нам бы хотелось. Наши корабли разметала буря. Мои люди высаживались на берег в разных местах. И только сейчас те, кто выжил, собрались в Белфасте, где мы собираемся переждать зиму. Но я не опускаю руки. К весне надеюсь собрать солдат и окончательно сломить сопротивление местных мятежников: сэра Брайана МакФелима, Тирло Линека О'Нила, а также их предводителя шотландца Сорли Бой МакДоннела. Я знаю, имена эти вам ни о чем не говорят. Просто, поверьте, ирландцы имеют сильных предводителей, и сдаваться не собираются. Что делает мою задачу довольно-таки сложной...»

Несмотря на тающую привязанность к мужу, мама, конечно, волновалось. Прежде, чем пришло первое письмо от отца, прошло три месяца. Мама думала, он погиб! Мы же представляли себе страшных, бородатых ирландцев, сражающихся против нашего отца и самой королевы. Мы стали постарше и часто расспрашивали мать про Елизавету.

Помню как-то раз я и Дороти вбежали в комнату, где вечерами любила проводить время мама. Чаще всего с ней вместе там сидел Роберт. Он устраивался у нее в ногах и слушал разные истории, которые в большом количестве знала мать. Она иногда взъерошивала его рыжие волосы, проводя по ним тонкими, изящными пальцами...

Нас с Дороти мама называла «моими золотоволосыми девочками». Как бы то ни было, ни мать, ни отец никогда с нами не проводили столько времени, сколько с Робинсом. Да и зачем? Главным наследником титула будет именно он. Девочек надо лишь удачно выдать замуж. Это мы усвоили хорошо.

Мы уселись на ковер возле Роберта, хихикая и толкая друг друга, расправили юбки и чуть поправили растрепавшиеся волосы.

– Давно, с тех пор, как я появилась впервые при дворе, королева ко мне испытывает неприязнь, – мать теребила рыжий локон, слегка улыбаясь.

Роберт смотрел на Летицию с трепетом. Ему едва исполнилось восемь, и он мало что понимал из слов матери. Сегодня она решила подробнее рассказать о своем знакомстве с самой королевой. Мы знали: нас всех скоро отправят ко двору, и слушали внимательно, стараясь, если не понять, то хотя бы запомнить слова Летиции...

– У Елизаветы есть кузина, – продолжила она, – кто такая кузина?

– Дочь сестры матери королевы, – послушно ответил Роберт. Историю королевского рода, а отчасти и его собственного, он постарался выучить, как следует, – а ты ее дочь.

Ласково улыбнувшись и кивнув, мама продолжила:

– Да, я дочь кузины Елизаветы и прихожусь, таким образом, ей близкой родственницей со стороны семейства Болейн. Именно поэтому я попала ко двору, когда Елизавета стала коро-

левой в пятьдесят восьмом году. Я была ее фрейлиной. Меня боготворили! Ваша мать была красавицей. Даже испанский посол писал своему королю обо мне.

– Ты и сейчас очень красивая, – стеснительно пробормотал Роберт, взглянув на мать из-под густых темных ресниц.

Мама вновь улыбнулась:

– Спасибо, мой мальчик. Но королеве никогда этот факт не нравился. Она не терпит конкуренции. При дворе не должно быть иных красавиц, кроме нее. Впрочем, она вовсе не хороша собой.

– Расскажи, как выглядит королева, – попросила Дороти.

На некоторое время в комнате установилась тишина. Лишь потрескивал огонь в жарко натопленном камине. Мама закусила нижнюю губу и чуть нахмурила лоб. Она не видела Елизавету уже более десяти лет. Королева была старше ее на семь лет. Значит, если маме в тот момент исполнилось тридцать четыре, то, о Боже, Елизавете – сорок один!

– Мы обе рыжие и белокожие. Но Елизавета всегда страдала из-за своих веснушек. У меня-то их нет, – мама провела рукой по алебастровой коже.

Мне тоже страшно захотелось прикоснуться к лицу матери. Но я сдержалась и продолжала смотреть на нее снизу вверх.

– Я провела с ней два года. Елизавете исполнилось двадцать пять, когда она вступила на престол. Мне – восемнадцать. Конечно, я ее затмевала. Елизавета пониже ростом. Надо признать, она обладает стройной фигурой. Обладала. Что случилось с ней сейчас? Не знаю. Правда, она не рожала пятерых детей одного за другим. Она вообще не рожала, – мама хмыкнула. – Двор по-прежнему засыпает ее комплиментами. Только это ни о чем не говорит. – Она вздохнула и положила руку на грудь. Мама всегда так делала, когда тугой корсет начинал мешать ей нормально дышать. – Елизавета – рыжая, в веснушках, которые пытается немилосердно пудрить, невысокого роста и стройна. Все!

Мы заметили, как внезапно у матери переменялось настроение. Если она рассказывала о королеве, то всегда в итоге огорчалась. Рука перестала ерошить волосы Роберта. Фиалковые глаза больше не смотрели на него. Их взор обратился куда-то вдаль, в неведомую точку, располагавшуюся явно за пределами комнаты.

– Когда вернется отец, мама? – решился заговорить Роберт. – Его надолго отправили в Ирландию?

– Когда королева позволит, тогда ваш отец и вернется домой. Она знает, кто из ее подданных способен справиться со сложной ситуацией и сделать так, чтобы сопротивление на ирландской земле было подавлено. Елизавета всегда выбирала достойных. Ваш отец должен гордиться своим назначением, – мама терпеливо подождала, пока мы перестанем вертеться, и ответила на вопрос Роберта. – Думаю, он там ненадолго. Уолтер вернется и всех нас повезет в Лондон, – мать начала успокаиваться и к ней вернулось ровное, благодушное настроение.

После брат признался мне в том, какие мысли пришли ему в голову после слов матери. «Я подумал, – сказал он, – вы королеве, как когда-то мама, тоже не понравится. Ваша красота, пожалуй, будет затмевать всех вокруг. Даже нашу мать».

– О! Мы наконец-то попадем в королевский дворец, – я захлопала в ладоши. – Как я мечтаю туда попасть!

– Вам подберут лучших женихов. Я помню, как быстро ко мне посватался Уолтер Деврё: не успела и двух лет провести при дворе Елизаветы. А ты, Роберт, должен сделать великолепную карьеру. Сейчас ты получаешь прекрасное образование. Мы с твоим отцом надеемся на тебя.

Мать всегда с гордостью смотрела на нас. Она считала, что ее дочери унаследовали лучшие черты рода Болейн по женской линии. Мы не просто были хороши собой. Даже в юном возрасте в нас чувствовалось безудержное женское начало и сильный характер. Мы с Дороти

флиртовали, потому что это было нашим естественным состоянием. Мы надували губы, топали ножкой и требовали своего. Уже тогда в доме становилось тесновато трем женщинам Болейн. Роберт тоже внешне скорее походил на нас и на мать, чем на отца. К восьми годам его волосы потемнели и из золотистых превратились в темно-рыжие. Он был выше своих сверстников и даже мальчиком обладал прекрасной атлетической фигурой. Роберт умел ездить на лошади и фехтовать. Преподаватели хвалили его за острый ум: он все схватывал на лету. Окружающие были уверены: с такими способностями при дворе он быстро сумеет выделиться среди остальных жаждущих славы молодых людей. Так потом и случилось. Королева его сразу заметила...

Отсутствовавший в комнате Уолтер меньше занимал мысли мамы. Младший сын есть младший сын. Его перспективы всегда оставались не самыми лучшими.

1574 год

К весне от папы стали приходит куда более оптимистичные вести. Конечно, сейчас я говорю, как взрослая женщина, которая знает и понимает гораздо больше, чем в одиннадцать лет. Что же происходило в далекой и страшной Ирландии?

За зиму отец потерял больше половины солдат, умерших от болезней и голода. Он злился на свою беспомощность и, несмотря на недовольство его поступками королевы, начал устраивать набеги на незащищенные ирландские деревни, вырезая практически все население, которое попадалось ему на пути. Так и не сумев сломить сопротивление, осенью отец предложил МакФелиму провести переговоры в Белфасте.

«Я заманил их в ловушку, – читала нам мать письмо мужа, – мы схватили самого МакФелима, его жену и брата. Конечно, их сторонники пытались нам оказать сопротивление. Мы убили всех. МакФелима привезли в Дублин и казнили прилюдно, чтобы ирландцы поняли, с кем имеют дело».

Нам стало страшно. А став старше, мы поняли, что кровавые подробности деяний нашего отца мама решила до детей не доносить. Хотя Роберт постоянно просил ее рассказывать о делах отца в далекой Ирландии. Порой нас даже пугала жесткость суждений брата: он полностью поддерживал отца, не понимая толком происходившего.

То, что мы узнавали от мамы, являлось лишь частью его зверских «подвигов». Да, он – мой отец, но правда есть правда. Ирландцы имеют право вспоминать Уолтера Деврё недобрым словом. В итоге стало известно, что Елизавета считает необходимым вернуть графа Эссекса в Англию. Ей докладывали, конечно, о творимых Эссексом беззакониях. А королева не любила допускать излишней, ненужной жестокости.

Мама ожидала отца с содроганием. Она не могла и предположить, каким он стал после бойни в Ольстере. Перед самым приездом страхов только прибавилось: граф сумел подкупить приближенного Тирло Линека и напоследок не только убил его, но также вырезал несколько сотен ирландцев, укрывшихся в пещерах Ратлин. В основном убитыми были женщины и дети...

Тем не менее, в последнем письме из Ирландии он заверял нас в том, что возвращается к семье насовсем, устав от собственных бесчинств.

– Я хочу отдохнуть от сражений, вести спокойную жизнь рядом с вами, – вслух читала нам мама, – смотреть, как растут мои сыновья и дочери. – Она задумалась. Жить с человеком, ставшим ей совсем чужим? Иного выхода не было. Мы выжидающе смотрели на мать. Ей пришлось взять себя в руки и продолжать чтение. – Мы сделали в Ольстере все, что смогли во благо королевы Елизаветы и Англии. Сопротивление сломлено. Те, кто возглавлял восстание, обезглавлены.

Когда отец вернулся, оказалось Елизавета ждет его вместе с женой ко двору. Кровапролитие кровапролитием, а все же графу удалось установить в Ольстере власть англичан. Королева хвалила его за усердие и щедро вложенные в предприятие деньги. Маме предстояло вновь увидеться с родственницей. Как ни странно, но поездка в замок Кенилворт, где должен был расположиться весной на девятнадцать дней двор вместе со своей королевой, привела маму в хорошее расположение духа. Все же она не выезжала в свет несколько лет. Замок принадлежал главному фавориту Елизаветы Роберту Дадли. Говорили, он готовит королеве невиданный прием.

Мама купила новые наряды и драгоценности: Елизавета не любила конкуренции, но и некрасивых, неряшливых женщин в своем окружении тоже видеть не желала. В один прекрасный день я узнала: родители берут меня с собой. Пора было появиться при дворе, и приглашение в замок Кенилворт подвернулось как нельзя кстати. Роберта тоже брали. Дома оставались Дороти и маленький Уолтер.

1575 год

Поездка привела нас с Робертом в полный восторг! Ехали мы не долго: от замка Кенилворт нас отделяло всего четыре часа езды. Выехав рано утром, мы к обеду оказались на месте. Королева еще не прибыла: ее ожидали из Лондона к вечеру.

Замок издалека приковывал к себе взгляд. Он стоял на возвышенности, утопая в зелени окружающих его лесов и лугов. Ковер из свежей, весенней травы покрывал землю, по которой бодро цокали копыта наших лошадей. Передвигались мы в пяти каретах – на такой срок пришлось многое взять с собой. Слуги несколько часов сначала складывали платья, шкатулки с украшениями, постели и другие вещи – я уж устала тогда следить, что еще – в сундуки, а потом таскали все это вниз в кареты.

Ров вокруг замка был наполнен водой. После зимы даже старые, высохшие рвы снова блестели на солнце, отражая в своей зеркальной поверхности небо и ветви склонившихся над ними деревьев. По двум мостам, ведущим внутрь стен замка, проезжали многочисленные гости. Кто-то ехал верхом, кто-то прибыл в каретах. Мое сердце билось все быстрее. Я схватила брата за руку и поняла: он волнуется не меньше моего. Дамы в прекрасных нарядах, мужчины в расшитых золотом камзолах, слепящих глаза украшениями из драгоценных камней, смех, громкие приветствия – мы с Робертом едва дышали, сжимая руки друг друга.

Замок был огромен. Внутри мы обнаружили большой парк с прудами, статуями, неисчислимыми дорожками, вьющимися вдоль изящно-подстриженных кустов. В парке шум стал почти невыносим: били в барабаны, дули в трубы, актеры декламировали приветственные стихи. Несмотря на ранний час, в небе вспыхивали фейерверки. Говорили, настоящее действие начнется лишь вечером, когда приедет королева. Но граф Лейстер, хозяин замка, велел репетировать весь день, чтобы никакая оплошность не могла испортить Ее Величеству настроения...

Когда мы вышли из кареты, слуги графа повели нас через весь парк к той части замка, в которой нам отвели комнаты. Я видела, как мать тоже сильно нервничает.

– Добрый день, приятно познакомиться, – лепетала Летиция, совершенно растерявшись в толпе придворных.

Ее постоянно с кем-то знакомили, кому-то представляли, и в первый же день у нее отчаянно заболела голова. Отец иногда подходил к маме, справлялся, как она себя чувствует, и вновь отходил к более важным персонам побеседовать о делах государственных. Для детей специально отвели часть сада, где организовали игры и развлечения. Но в первые дни мы с Робертом не отходили от матери, следуя повсюду за ней попятам.

Мамина головная боль не утихала: повсюду играли музыканты, вылезая чуть не из-под каждого куста, продолжали грохотать фейерверки. Более того, в некоторых местах еще и отвратительно пахло.

– Странно, они все не замечают этого запаха! – Мама обмахивалась веером, борясь с тошнотой.

С ней продолжала беседовать одна из дам. Отойти в сторону пока не представлялось возможным, а огромные рыбыны, лежавшие на серебряных подносах на расставленных под открытым небом столах, источали такой «аромат», что впору было бежать от них подальше.

– Зачем они их тут разложили? – прошептала я Роберту, показав на рыб.

– Для красоты, – неуверенно ответил он, поморщив нос.

После появления в замке королевы, каждый вечер устраивали фейерверки. Несколько лет спустя, граф Саутгемптон познакомил меня с известным драматургом и актером Уильямом Шекспиром. Так вот, он, оказывается, жил неподалеку от Кенилворта – в Стретфорде. Ему исполнилось одиннадцать лет, немногим меньше, чем мне. И воспоминания у него сохранились такие же яркие.

– О, леди Рич, у нас долго вспоминали знаменитый прием королевы в замке Кенилворт! – рассказывал Уильям. – Фейерверки озаряли небо, мимо постоянно проезжали знатные господа. Что нам хотелось больше всего? Попасть в замок!

А место Шекспиру там нашлось бы. Ведь в замок граф пригласил актеров, которые разыгрывали сценку за сценкой. У мамы голова болела, а у меня кружилась. Вскоре головокружение захватило нас обеих и совершенно по иной причине...

С графом Лейстером, главным фаворитом королевы, нас познакомил отец. Мама потом говорила, что они были знакомы с Робертом Дадли, еще когда она служила фрейлиной Елизаветы. Но мне показалось, граф ее не помнил, или мама немного кривила душой. Впрочем, не важно. Дадли нас очаровал. Всех троих: маму, меня и Роберта.

– Дорогая, позволь представить тебе графа Лейстера, – отец почтительно наклонил голову. – Граф, моя жена Летиция Деврѐ, графиня Эссекс.

Что-то случилось в тот момент. После мама никак не могла вспомнить, почему вдруг перестало неприятно пахнуть рыбой и приторными сладостями, почему вдруг у нее перестала болеть голова, почему тесный корсет перестал сжимать грудь. Ее взгляд встретился с взглядом Роберта Дадли, знаменитого фаворита Елизаветы, хозяина замка Кенилворт, и мир перевернулся.

– Мы не видели вас раньше при дворе, – то ли спросил, то ли высказал сожаление Дадли. – Где вас прятал муж?

– Я служила королеве фрейлиной, но затем вышла замуж и родила мужу пятерых детей, – объяснила мама.

– Затем я отбыл в Ирландию, чтобы достойно послужить Ее Величеству и Англии, – встрял Уолтер. – Сейчас вернулся домой, а королева любезно пригласила нас с женой к вам в замок. Великолепное зрелище! – Папа вновь подобострастно поклонился.

– Спасибо, – прохладно ответил граф Лейстер. – Я рад, что вы смогли опять явиться ко двору. Надеюсь, теперь вас видеть здесь чаще. Не желаете посмотреть замок? – обратился Дадли к маме, игнорируя отца.

– С удовольствием, – согласилась она, но тут к нам направилась целая процессия.

«Елизавета!» – отчего-то сразу поняла я. По непонятной причине сердце сжалось, а голова от волнения вновь начала кружиться.

Роберт Дадли, казалось, полностью потерял к нашей семье интерес. Он улыбнулся еще шире и поспешил навстречу королеве. Отец схватил маму за руку.

– Пошли! – прошептал он ей достаточно громко, чтобы мы с Робертом могли услышать. – Поздороваемся с ее величеством. Представлю тебя. Напомним о сыне. Роберта надо будет скоро отправлять в Лондон.

– Ему всего девять лет, – мама никак не хотела смотреть правде в глаза и признаться самой себе в том, что разлука с сыном неминуема.

– У королевы отличная память, – папа тащил ее вперед. А вслед за ними, открыв рты, топали и мы с Роббином...

Я не запомнила, как выглядела Елизавета, а, боюсь, и просто не могла разглядеть королеву за спинами взрослых. Помню лишь белоснежную юбку ее платья, расшитую золотом и тяжелый запах духов, смешивавшийся с запахом тухнувшей рыбы. Слова, которые я слышала, взгляды, которыми обменивались люди, их жесты, вежливый смех – все это, пожалуй, позже вплелось в мою память при помощи чужих воспоминаний или отдельными пятнами неожиданно всплывали перед глазами.

– Уолтер, я рада тебя здесь видеть, – Елизавета уже говорила с отцом. – Ты на славу потрудишься в Ирландии. Может, несколько перестарался, но мы оценили твое желание служить своей королеве, – она не смотрела в сторону мамы.

Граф Лейстер стоял возле королевы, преданно глядя ей в глаза.

– Ваше Величество, позвольте представить... Хотя вы были знакомы, – папа запнулся. – Вновь представить мою жену Летицию Деврё.

Равнодушный взгляд скользнул по маминому лицу.

– Развлекайтесь, Уолтер, развлекайтесь. Вы заслужили, – королева взяла Дадли под руку и пошла прочь.

Вечером того дня мы долго расспрашивали мать про ее впечатления. Ведь она видела Елизавету раньше.

– Издалека Елизавета выглядела точно, как много лет назад: рыжие волосы уложены в высокую прическу, миниатюрная, стройная фигура, прямая спина. На минуту я подумала, что вернулась в пятьдесят восьмой год, и меня вот-вот представят королеве в качестве новой фрейлины. Я стараюсь изо всех сил не волноваться, но руки предательски дрожат и леденеют, а в голове нарастает гул, – мама встряхнула головой. – Вроде, теперь я – не фрейлина, не юная девушка, а замужняя дама. Мне нечего бояться. Но у меня мелькнула невеста откуда взявшаяся мысль: конечно, Елизавета меня узнала и как не любила раньше, так и не любит сейчас.

Оставшиеся до отъезда дни пролетели незаметно. Они все походили один на другой, слившись в сплошное пиршество, выезды на охоту, участие в развлечениях. Будь на то воля мамы, она бы оставалась в самом замке и не выходила никуда из предоставленной ей комнаты. Но было кое-что, точнее кое-кто, делавший ее пребывание в Кенилворте незабываемым. Роберт. Роберт Дадли, если не сопровождал королеву, то выходил на прогулки с мамой. Он подъезжал к ней во время охоты, неожиданно подходил ближе в саду. Он развлекал ее шутками, говорил комплименты, и она понимала, как неотвратимо влюбляется в главного фаворита королевы.

Внимание, которое Дадли оказывал Елизавете, начинало вызывать у мамы ревность. Сколько она ни уговаривала себя не замечать этого, оставаться равнодушной, сколько ни говорила себе о невозможности стать Роберту хотя бы любовницей – тщетно. Муж стал раздражать, не выдерживая никакого сравнения с галантным и утонченным Дадли. В спальню мама за все дни пребывания в Кенилворте отца не допустила ни разу, ссылаясь на усталость и частое недомогание. Он верил: жена постоянно то краснела, то бледнела и обмахивалась веером.

Осознавала ли я, каким было состояние моей мамы? Нет. Мне было не до ее чувств. Меня обуревали собственные. Дня через три после приезда я познакомилась с Филиппом Сидни. Ему шел двадцать первый год. Филипп недавно вернулся из Европы, где провел три года, путешествуя по разным странам. При дворе он получил почетную должность королевского виночерпия.

Конечно, образованный, красивый, вежливый молодой человек произвел на меня большое впечатление. Мы оба прекрасно говорили по-итальянски, по-французски и на латыни, поэтому Филипп с легкостью читал мне стихотворения на этих языках, цитировал древних философов. Я, правда, и половины не слышала из того, что он говорил, с восторгом глядя в его сияющие глаза.

– Граф сказал, он познакомил с тобой своего племянника, Филиппа Сидни, – мама лукаво посмотрела на меня перед отъездом. – Вы понравились друг другу? Для тебя это будет хорошая партия.

Я не думала о замужестве, но слова матери вернули меня к действительности.

– Мы подружились, – мой ответ явно пролетел мимо ее ушей. Если родители решили выдать тебя за кого-то замуж, противиться бесполезно. Но в данной ситуации я ничего против не имела. Наоборот, подобное развитие событий предоставляло возможность до свадьбы видеть Филиппа часто.

Разумеется, с Дороти я поделилась большим. Вместо слова «дружба» в наших беседах я использовала слово «любовь». За несколько дней общения Филипп успел написать в мою честь

несколько сонетов. Я держала исписанные страницы под подушкой, а в день отъезда спрятала их в тайное отделение своей шкатулки. Наконец-то оно мне пригодилось!

1576 год

Если я с Филиппом встречаться могла вполне официально и довольно-таки часто, то мама виделась с графом Лейстером урывками. Тем более, что Елизавета особенно ее ко двору, где существовала формальная возможность встретиться с Дадли, более не звала.

Мама порой удивлялась, как по-разному относилась к ним с отцом королева. С тех пор, как она побывала в замке Кенилворт, ее никуда не приглашали, а мужа привечали, как могли. Мама оставалась отверженной, нежеланной гостьей. Видимо, убедившись в том, что мамина красота не угасла с годами, Елизавета не стала настаивать на появлении мамы вблизи собственной персоны.

Отец же часто отлучался в Лондон. Потом я поняла: именно в эти дни, всегда, когда мог, к нам в гости навещался граф. Сначала я не обращала внимания на подобное совпадение: во время визитов Дадли сопровождал его племянник. Конечно, граф Лейстер поступал мудро: взяв с собой Филиппа Сидни, он ограждал себя и мать от сплетен. Наша помолвка с Филиппом считалась делом решенным.

Так прошло больше года. Неожиданно в конце лета отец получил предложение, от которого отказаться было невозможно. Елизавета пожаловала ему титул графа-маршала Ирландии. Подобной чести удостаивались единицы. Да, лучше бы ему пожаловали сей титул в Англии. Но и Ирландия вполне соответствовала честолюбивым помыслам отца. После подобного назначения естественно он не мог не отказаться от очередной поездки через море.

Позже мама не раз думала, а не организовал ли ее мужу новое путешествие в Ирландию именно граф Лейстер. Его влияние на королеву было огромно, а желание отправить нашего отца подальше от родного замка подстегивало воспользоваться собственным положением при дворе. Ведь редкие встречи с мамой в отсутствие отца не устраивали Дадли. К тому же он не всегда мог покинуть королеву именно в тот момент, когда в ее дворец приезжал папа.

Дети ничего не подозревали. Мы жили своей жизнью, не пытаясь понять взрослых, которые нас окружали. Роберт грезил о будущей военной карьере. И будь его воля, он уже тогда поехал бы с отцом в Ирландию. Мы с Доротой мечтали о любви. У сестры не было пока жениха или возлюбленного, но она с радостью обсуждала со мной Филиппа и его чувства ко мне. Несмотря на явную ответную симпатию, я переживала, страдала в отсутствие Филиппа, читала Дороты его письма и сонеты. И тот год навсегда останется самым счастливым в моей жизни. Только когда нас заставили расстаться, я поняла, что такое истинное страдание.

Однажды, прямо перед отъездом отца в Ирландию, я проходила мимо маминой спальни. Мне захотелось зайти и поделиться с мамой своими переживаниями: тогда я готова была делиться ими со всеми, но у меня не так широк был выбор. Я остановилась и неожиданно услышала голоса. Мама разговаривала с графом. Мне стало любопытно. Тихонько я подошла к двери и прислушалась. О чем они там говорят?

– Летиция, я так ждал, когда мы останемся вдвоем, не опасаясь неожиданного возвращения твоего мужа! Всякий раз, когда Уолтер уезжает из дома, я стремлюсь к своей возлюбленной. Но мне не всегда удается осуществить желаемое...

За дверью слышался непонятный шорох, иногда казалось, будто двигают мебель.

– Иногда я с ужасом думаю: «Если королева узнает о моей связи с Робертом Дадли, мне несдобровать», – это уже голос матери. – Дело ведь не во мне, Роберт, – она явно пыталась сопротивляться нахлынувшим чувствам. – Ты – возлюбленный королевы. Мой муж здесь не играет никакой роли.

– Нас с Елизаветой связывают годы дружбы. Мы знаем друг друга слишком долго, – зазвучал чуть громче голос графа. – Но мы оба понимаем, что наши чувства давно не имеют ничего общего с любовью и страстью, – его голос становился все серьезнее. – Пойми, мне хочется

иметь нормальную семью, растить детей. Когда моя жена умерла, многие думали, я женюсь на королеве, и даже обвиняли меня в убийстве жены. Я не женился на Елизавете...

– Почему?

– Потому что этого не хотела Бэт. Извини, Елизавета. Этого не хотела именно она. И теперь я прекрасно понимаю, какую роль мне уготовано играть. Я согласен. Я слишком привязан к ней. Я не могу ее предать, и буду верен моей королеве до конца своих дней. Но я люблю тебя. Я влюбился, Летиция, в тот день, когда увидел тебя в своем замке год назад. И если бы не твой муж, я готов был бы на тебе жениться.

– Тебе этого королева никогда не простит, – мамин голос задрожал. И трудно было сказать, что оказалось тому виной: страх перед королевой или те пылкие чувства, которые она испытывала к мужчине, находившемуся сейчас рядом с ней в спальне.

– Я был уже женат. Мою первую жену Елизавета не приняла, и она не имела права появляться при дворе. Ты должна понимать, что и тебя тоже никогда не примут в окружении Елизаветы. А меня простят.

– Это не имеет значения. Меня и так не зовут ко двору, – я услышала, как мама вздохнула.

О чем они ведут речь? Мама замужем. И будь она хоть сто раз готова навлечь на себя гнев королевы, ее положение никогда не позволит им с Робертом стать кем-то другим, кроме любовников... Чем это могло закончиться?

Всего-навсего новым назначением отца и его отъездом в Ирландию.

Он не успел даже сесть на корабль, а граф уже приехал к нам в дом и открыто делил с матерью ее супружескую постель. Дадли нам с Дороти не нравился. Своим детским умом мы не могли понять слишком многого, но мы любили отца, преданно и верно, как любят дети лишь тех, кого им даровал Господь в качестве родителей. Роберт в графе души не чаял. Он ходил за ним по пятам, засыпал его вопросами и вслушивался в каждое слово. Осуждали ли мы брата? Нет. Он был младше нас, и мы считали, что он просто ничего не понимает. Так я к нему всегда и относилась, как к младшему несмышленику. Наверное, зря... Хотя сегодня я считаю, все предопределено в жизни нашей. Ничего не спасло бы Робина. Но тем не менее, немножко, а чувствую себя виноватой. И Дороти думает так же...

Известие пришло через три недели после прибытия отца в Дублин.

«Ваш муж скончался от дизентерии», – строчки письма расплывались из-за нахлынувших слез.

Мать прикрыла глаза и начала молиться. Она понимала, грех ее несмываем ничем, но продолжала шептать слова, обращенные к Богу, не испытывая ни стыда, ни угрызений совести. Где-то в глубине души она продолжала бояться. Главный враг еще не имеет представления о тех последствиях, которые будет иметь эта смерть. Королева лишь знает о смерти одного из ее подданных. Уолтер Деврѐ, граф Эссекс – только один из тех, кого она выделяла. Роберт Дадли, граф Лейстер – единственный из тех, кого она действительно любила.

Следующее письмо пришло именно от него:

«Любовь моя, нам следует немного подождать со свадьбой. О нашей связи узнали некоторые лица, испытывающие ко мне неприязнь и готовые на все, чтобы очернить мое имя. Они пытаются доказать мою причастность к смерти твоего мужа. Его тело привезут скоро из Ирландии, и начнется расследование».

Мама тут же вспомнила о слухах, которые бродили после смерти первой жены графа. Тогда его тоже обвиняли в организации ее убийства. Даже если он опять не виновен, не становится ли это плохой приметой – влюбляться в первого фаворита Ее Величества? Мама с

трудом переводила дыхание. Она понимала, отречься от Дадли она не сможет, даже если ей будет грозить эшафот...

Мы плакали. Я же сказала вначале, тот печальный, грустный, безвозвратный поворот наша жизнь приняла именно после смерти папы. Он ушел в мир иной, и тут же начала рушиться наша судьба. Потихоньку. По капле. Она не обрушилась мгновенно. Но оттого не легче вспоминать мне сейчас о тех горьких днях, когда мы узнали о смерти отца.

И оттого не легче мне сейчас понять маму, любившую графа, который до конца хранил верность своей королеве. Ведь его последнее письмо было адресовано вовсе не Летиции Нолис, а Елизавете Тюдор. Оттого не легче, потому что любовь мамина разрушила любовь мою. Я не осуждаю. Я просто пытаюсь объяснить, отчего и по сей день у меня на глаза наворачиваются слезы при воспоминаниях о тех далеких, страшных днях, когда мы получили известие о смерти Уолтера Деврё, первого графа Эссекса...

21 сентября, 1578 год. Замок Кенилворт

Мама съездила на похороны отца, чьи бранные останки привезли его друзья из Ирландии. При расследовании, проведенном лордом Берли, не обнаружилось следов яда. Однако, смерть Уолтера Деврё по-прежнему являлась предметом слухов и сплетен, но ждать влюбленные больше не могли. Они поженились в том самом замке, где встретились три года назад. От королевы граф связь с мамой скрывал и даже настаивал на том, чтобы не говорить никому о свадьбе. Мама не сомневалась: если бы не ее беременность, Дадли бы на ней не женился. А коль пришлось, то дорога ко двору королевы для нее закрыта, причем даже больше, чем раньше. Боялась она и за судьбу графа. А я нет.

– Дадли вымолит прощение у королевы. Вот увидишь, – сказала я Дороти.

– Но зачем он вообще женится на маме? – Дороти, как и я, сильной приязни к графу Лейстеру не испытывала.

Тут я ничего не могла ответить сестре. Я уже знала, есть дети, рожденные в браке, а есть незаконнорожденные. Положение в обществе последних незавидно, но и не так уж ужасно. Мама даже как-то проговорила: у графа есть незаконнорожденный сын. На его матери в свое время он жениться не стал.

– Наверное, Дадли все же любит маму, – единственное объяснение, которое я смогла найти для Дороти.

Мои собственные чувства были растоптаны. Перед венчанием мама и граф сообщили мне, что из-за их свадьбы наша помолвка с Филиппом считается расторгнутой. Как я плакала, не передать! Ведь умирая, папа написал письмо отцу Филиппа, давая в нем официальное согласие на наш брак. Генри Сидни не возражал. Он дружил с папой и понимал его, как никто другой: ведь он тоже проводил много времени в Ирландии, устанавливая там власть королевы Елизаветы.

Больше года я летала как на крыльях! Мы с Филиппом будем вместе... И вот все рухнуло. Объяснения, которые мне дали в связи с этим, были путаны и лишь внесли сумятицу в мою голову.

– Видишь ли, дорогая, – виноватым голосом бормотала мама, – у Роберта нет законнорожденных детей, кроме того, которого я сейчас ношу под сердцем. Его единственным наследником является племянник. Ты – моя наследница, не единственная, но ты – старшая дочь. Если Филипп на тебе женится, то у него будет двойная возможность лишиться наследства нашего пока не родившегося ребенка.

Я плакала, умоляла лишить нас наследства, пустить по миру, только не разбивать нам сердце. Граф колебался не долго. Его младшая сестра, Катерина, графиня Хангтингтон, обещала представить меня ко двору и найти подходящую партию. Мама видела, как я страдаю, как ненавижу графа Лейстера и как скучаю по отцу. Но пошла на поводу у Дадли и его сестры.

Несмотря на то, что Генри Сидни выступал целиком и полностью за наш брак, он быстро подчинился воле графа. Точнее, воле своей жены – Мэри, старшей сестры Дадли. Сестры Дадли встали на сторону брата и всячески препятствовали моему браку с Филиппом Сидни.

– Поверь, при дворе ты найдешь себе куда лучшую партию, – уговаривала меня мать. – Графиня Хангтингтон согласна забрать вас с Дороти к себе для завершения образования. А после вы будете представлены королеве. И Мэри, и Катерина дружат с Елизаветой. О лучшем и мечтать не следует!

Мои слезы никого не трогали, кроме несчастного Филиппа и Дороти. Сестра страдала вместе со мной совершенно искренне: она не желала уезжать из родного дома к Катерине. Графине Хангтингтон было тридцать восемь лет, детей она не родила и потому оказывала покров-

вительство молодым девушкам, обучая их и представляя ко двору. Мы еще не видели графиню, но ненавидели ее сильнее, чем Роберта Дадли.

Выбора нам не оставляли. На сей раз в замок Кенилворт мы ехали с тяжелым сердцем. Нам предстояла разлука с матерью, с родным домом, а мне – разлука с любимым. За прошедшие дни я привыкла плакать. Лицо распухло. На него постоянно прикладывали какие-то холодные примочки. Я же к своему внешнему виду оставалась равнодушной. Только Роберт выказывал хоть какое-то воодушевление. Он, как и прежде, пребывал в восторге от будущего отчима. Граф обещал брату при первой же возможности взять его на войну. В двенадцать лет Робин мечтал лишь скакать на лошади, драться с врагами Англии и размахивать шпагой. В отличие от нас он рвался уехать из дома.

С таким разным настроением мы второй раз въехали в замок Кенилворт. Нам показалось, будто он встречал нас невесело. После великолепного праздника в честь Елизаветы все вокруг выглядело унылым и безрадостным.

– Граф ради свадьбы с мамой не очень сильно постарался, – зло прошипела я на ухо Дороти. – Не тебе фейерверков, ни тебе актеров, декламирующих стихи...

Сестра сердито кивнула. Часть прядей выскочила из тщательно уложенной прически. Дороти не обратила внимания: ей тоже было все равно, как она выглядит. Даже мама смотрела на нас печально. Любовь к Дадли начинала обходиться ей дорогой ценой.

В небольшой церкви, где происходило венчание, собралось совсем немного народу.

– Как ты себя чувствуешь? – голос Дадли заставил маму вздрогнуть.

– Не самым худшим образом, – она попыталась улыбнуться.

Мысли о судьбах детей были прерваны. Мама говорила мне, как странно на нее влияет граф. В его присутствии забывалось все: дети, ее собственная жизнь, странная смерть отца, даже тяготы шестой беременности отходили на второй план.

– О чем ты думала? – Дадли не отставал. – Ты боишься выходить за меня замуж? Еще не поздно отменить свадьбу.

Мама схватила его за руку.

– Страшнее разрыва с тобой быть ничего не может! Не боюсь. Гнев Елизаветы в первую очередь будет направлен на тебя, – она лукавила, но постаралась забыть мучившие ее страхи.

– Я справлюсь. И я слишком хорошо знаю Бэт, – Дадли запнулся. – Елизавету. Она не долго будет злиться на меня. Ну и я постараюсь сохранить нашу свадьбу в тайне, как можно дольше. Скорее, когда правда выяснится, в незавидном положении окажешься ты.

Подобный разговор происходил между ними не в первый раз. Мать постоянно чувствовала уколы ревности, во время того, как речь заходила о королеве. Уменьшительное «Бэт», звучавшее из уст графа, резало слух. Кто так может обращаться к Ее Величеству? Только близкий друг и любовник. При всех заверениях Дадли в том, что между ним и Елизаветой никогда не было близости, мама верить в это отказывалась. Да, королева всегда твердила о своей невинности. Но мама не верила и ей тоже. Собственное «незавидное положение» ее волновало куда меньше, чем ревность. Она привыкла жить в удалении от двора. Разве ситуация изменится? Любимому сыну Робину будущий муж обещал поддержку, мне обещали нового жениха, а не родившегося пока общего ребенка Дадли точно не оставит...

Заговорил священник. В церкви стояла тишина, и его негромкий голос был слышен каждому, кто пришел в тот день на церемонию. Свидетели стояли чуть поодаль. Роберт Эссекс сидел на скамье в первом ряду. Мы с Дороти сели за ним. Вот и все зрители.

– Если что-то препятствует заключению данного брака, просьба сказать об этом сейчас, – пробормотал священник и выдержал небольшую паузу.

Мое сердце забилося сильнее, словно я всерьез готовилась услышать слова, способные предотвратить эту свадьбу.

«Если бы сюда проникла Елизавета, она бы нашла, что сказать», – мелькнуло в голове. Тут же в памяти всплыли и обе смерти: первой жены Дадли и отца. В обоих случаях графа обвиняли в организации отравления. А вдруг придет человек, у которого на руках есть доказательства? Но нет. Никто не издал ни звука.

Священник закончил церемонию. Граф поцеловал руку матери. А она явно вздохнула с облегчением: вышла все-таки за Дадли замуж, обыграла королеву, не кого-нибудь.

«Обыграла ли?» – непрошенные мысли, как надоедливые мошки продолжали кружить в голове.

Нас отправили к графине Хангттингтон через несколько дней.

– Мы будем часто видеться, – обещала мама. Она произносила слова, в которые сама не верила. Впрочем, мама светилась от счастья. Наши с Дороти грустные лица не испортили ей настроение.

– Вы, девочки, не должны так переживать. Вы не понимаете, как вам повезло, – маму даже начала раздражать наша откровенная печаль.

Замок Кенилворт остался позади. Позади осталась и наша прошлая жизнь. К сестре графа мы прибыли с сжатыми в кулаки руками, насупленными, хмурыми лицами и полным нежеланием повиноваться бездетной «тетушке».

1579 год

Наверное, новости о свадьбе Роберта Дадли и Летиции Деврё дошли бы до Елизаветы гораздо раньше. У Дадли было много завистников и тайных врагов. Нашлись бы желающие поссорить фаворита с королевой. Тем более, слухи о том, что Роберт отравил нашего отца, дабы жениться на Летиции, не прекращались. Но, зная характер королевы, никто в течение почти целого года не отваживался открыть ей правду. А гнев свой Елизавета в первую очередь направила бы именно на того, кто сделал это. И лишь потом на обманувшего ее фаворита. Кому захочется класть руку в пасть льву по собственной воле? За спиной королевы шептались, время шло, а граф продолжал появляться при дворе один, словно у него действительно и не существовало никакой жены.

В итоге Елизавету просветил сам Дадли. Иногда ревность играет с людьми злые шутки: приревновав свою подругу детства к французу, Роберт и сообщил королеве о женитьбе. К тому моменту я уже жила при дворе королевы. Дороти пока оставалась в доме графини. Я испытывала острое чувство одиночества, и скрашивали его лишь редкие встречи с Филиппом Сидни. Многие из того, что буду рассказывать дальше, я узнала именно от него. Отношения Филиппа с королевой нельзя было назвать простыми. Но Елизавета, как и ее окружение, попала под его обаяние. Он сочинял в ее честь сонеты, поражавшие красотой и изысканностью слога, а также считал своим долгом давать советы по самым разным вопросам. Советы королеву часто раздражали, поэтому она сердилась на своего виночерпия, прогоняя из покоев...

Вот тут мы и подошли к истории о французском «лягушонке». Если бы не Франсуа Анжу, королева не скоро бы узнала о женитьбе Дадли, и не поссорилась бы в очередной раз с Филиппом.

В сорок шесть лет Елизавета оставалась завидной невестой. Ее полностью устраивало данное положение. К женихам королева питала самые разные чувства: кого-то гнала с порога сразу, а кого-то привечала на время и даже давала надежду на успешное разрешение дела. Из трех сыновей французской королевы Екатерины Медичи к Елизавете сватались двое: сначала Генрих, потом Франсуа.

Франсуа герцог Алансонский и Анжуйский приходился французскому королю младшим братом. Его мать, Екатерина Медичи, являлась яркой католичкой. Позиция Франсуа в религиозном вопросе оставалась неустойчивой. Создавалось впечатление, что ему было все равно, на чью сторону встать, лишь бы спасти собственную шкуру. Предательство своих друзей перед лицом смерти не улучшило мнения окружающих об Анжу. Внешней красотой французский принц тоже не отличался.

Но почему-то он Елизавете понравился сразу.

Королева любила завтракать вместе с графом Лейстером. Вот уж кого я часто встречала в королевском дворце, так это его! Но кроме графа за столом нередко оказывались и другие фавориты Елизаветы. Ей нравилось окружать себя красивыми, образованными молодыми людьми, способными сказать витиеватый комплимент, а то и прочесть очередной сонет, написанный в ее честь. В тот знаменательный день Филипп был в числе приглашенных.

– Я решила позвать Франсуа Алансона в Англию, – игриво сообщила Елизавета за завтраком в Ричмонде.

Стояло лето. Заканчивался июль. Королева, вопреки установившейся в знатных домах традиции, завтракала рано. К семи часам она успела прогуляться по парку и потому, в отличие от большинства присутствовавших, имела отменный аппетит. Для графа единственным плюсом раннего завтрака являлось отсутствие жары. Когда он проводил время с женой, они вставали поздно и после, в двенадцать часов, сразу обедали. Мама никогда не любила вставать с рассветом. Но во дворце все подчинялось Елизавете, даже распорядок дня подданных...

– Франсуа Алансон? Анжуйский? С какой стати? – Дадли чуть не поперхнулся куском хлеба.

– Он предлагает мне стать его женой, – спокойно ответила Елизавета.

– Я слышал. Но не думал, что ты рассматриваешь это предложение всерьез, – граф нахмурился. – Сын Медичи, предатель, – перечислял он грехи жениха, – развратник!

– С чего ты взял, что он – развратник? – удивилась королева.

– Говорят, он и его братья спят со своей сестрой. Французы, впрочем, все таковы, – Дадли схватил бокал с вином и опустошил его в мгновение ока. – К тому же, к тебе уже сватался его старший брат Генрих. Я слышал, сейчас он ходит в платьях и носит огромные серьги в ушах, – он хмыкнул. – Ты хочешь, чтобы все сыновья Медичи побывали у тебя в женихах? – Дадли понимал, его язвительность переходит границы дозволенного, но сдержаться не смог.

Елизавета засмеялась. Ей было приятно осознавать, что она является причиной ревности любимого мужчины.

– Один брат уже умер, – уточнила Елизавета, словно это как-то принципиально меняло дело. – Франсуа недавно стал протектором Нидерландов. К тому же, он следующий по очереди претендент на французский престол. Генрих не имеет детей. Ты прав, он откровенно носит женскую одежду, видимо оставив все попытки зачать наследника. Брак с Алансоном – выгодный для Англии, – королева помолчала. – Франсуа в детстве болел оспой. Может быть он не красавец. Но мне понравился его портрет.

Все вспомнили о болезни самой Елизаветы. Оспа и ей тоже слегка подпортила лицо. Выходить из-за подобного нюанса замуж за француза?

– Ты хорошо подумала? – спросил граф, удивляясь такой прыти своей подруги. – Лучше бы выбрала русского царя Ивана.

– Слишком далека страна Россия. У нас с ней мало общего. А с русским царем мало общего у меня. Он груб. Образован, но груб и неотесан, – королева продолжала улыбаться.

Вокруг пели птицы, пышная зелень радовала глаз. Кусты, которым заботливые садовники придали форму разных животных, будто подмигивали Елизавете. Конечно, ее намерения нельзя было назвать серьезными. Но почему не провести пару недель в обществе галантного французского принца? Дадли пусть ревнует. Ему на пользу.

– Да, я подумала, брак с французом – в интересах Англии. К тому же Франсуа молод. Кто знает, может я смогу родить ребенка! – в подобную нелепость Елизавета не верила и подавно, но вслух продолжала мечтать о несбыточном. – Так или иначе, а француз приедет из Нидерландов сюда в начале августа.

Тут-то и грянул гром. Когда Дадли смотрел на Елизавету, он частенько видел в ней не увядающую, порой сумасбродную женщину, а рыжеволосую девочку, которая всегда влекла его к себе. В данный момент любимую пытался увести от него какой-то французишка! Даже не король!

– Бэт, давно хотел тебе сказать. Я женат. Женился на Летиции Деврё, вдове графа Эссекса. Хотел привезти ко двору ее сына. Его тоже зовут Роберт. Ты не против?

Вопрос про Роберта Эссекса Елизавета не услышала. Зато она хорошо расслышала слова, касавшиеся женитьбы Дадли. Да на ком! На Летиции Нолис – той, которую она с удовольствием

выдала замуж за Деврё и отправила прочь с глаз долой в удаленный замок рожать детей. И вот эта женщина снова врывается в ее жизнь!

– В Тауэр! Обоих! – Елизавета стукнула кулаком по столу.

Ее глаза метали громы и молнии. Дадли быстро понял, что погорячился, но было уже поздно. Королева вышла из-за стола, не закончив завтракать.

– Приказ будет подписан сегодня же! Вам, граф, запрещается покидать Лондон. Вашу жену доставят в Тауэр со всеми почестями.

Франсуа не отличался высоким ростом и красивой фигурой. А его лицо подпортила оспа. Тем не менее, он был галантен, красноречив и смотрел на Елизавету влюбленными глазами. Королева смущалась и кокетничала напропалую. Называла она француза «лягушонком». Вроде и не самый лучший комплимент, но все знали: если Елизавета дает кому-то прозвище, значит, выделяет этого человека.

Дадли с мамой сидели в Тауэре. Их не пытали, не лишали хлеба и воды, но поместили в разные концы башни. Видеться им запретили.

Утром Елизавета собственноручно приносила «лягушонку» в спальню завтрак. Франсуа не противился раннему приему пищи и благосклонно принимал чашку бульона из рук королевы. Потом они гуляли по парку, представляя собой довольно-таки странную пару. Они были почти одинакового роста. Королева с прямой спиной, Франсуа – немного сутуловатый, пожилая женщина и довольно-таки молодой человек. Рыжие волосы ярко выделялись на фоне черных локонов француза... Они беседовали по-французски на самые разные темы. «Лягушонок» имел неплохое образование и отвечал Елизавете впопад.

Окружение королевы замерло. Брак с французом как-то не входил в планы Тайного Совета. Нельзя сказать, что и народ сильно поддерживал странный альянс двадцатичетырехлетнего Франсуа с Елизаветой. Не из-за разницы в возрасте, а из-за стойкого нежелания попасть под власть французов. Ведь явно у принца есть все шансы пережить королеву, а также стать королем Франции. Таким образом, Англия легко попадала в положение нелюбимой падчерицы. При всем благожелательном отношении Франсуа к протестантам, многие помнили его предательство гугенотов, а также вероломство матушки Екатерины Медичи. Матушка-то уж точно переживет всех и заставит Англию вновь обратиться в католическую веру...

Елизавета старалась не думать о завтрашнем дне. Она чувствовала себя слишком задетой женитьбой Дадли, чтобы обернуть сватовство Франсуа в шутку. Конечно, настроение Совета и простых англичан ей были известны. Но две недели пребывания «лягушонка» в ее дворце она не собиралась омрачать подобными тонкостями.

– Почему бы мне не выйти, наконец, замуж? – вопрошала она озадаченного Филиппа Сидни. – Пусть члены Тайного Совета обсудят такую возможность. Они так давно хотели меня выдать замуж, – Елизавета хмыкнула. Ее целью был Дадли. Мнение Совета мало волновало королеву. Просто посадить фаворита в Тауэр стало бы слишком легким решением.

– А граф Лейстер будет страдать. Не также как я. Гораздо сильнее! – вслух сказала Елизавета, выдавая себя с головой.

– Вы твердо решили выйти за него замуж? – Филипп, конечно, понял истинные причины большой любви королевы к французцу.

– Если меня поддержит мой народ и Совет, – мудро ответила Елизавета.

Но Совет и англичане воспринимали слова и действия королевы всерьез, не задумываясь о связи между женитьбой графа и сватовством Франсуа. И где-то в глубине души Елизавета надеялась на отрицательный ответ. Королева в англичанах была уверена. Так или иначе ее месть состоится. Дадли помучается в Тауэре. Его жена не посмеет больше и шагу ступить в

королевском дворце. Француз? Француз поедет в Нидерланды воодушевленный поддержкой английской королевы. Ему и этого хватит.

Перед отъездом Франсуа Елизавета подарила ему берет, расшитый драгоценными камнями.

– Мой дорогой лягушонок, – сказала она по-французски, – дарю тебе этот берет, чтобы ты носил его до того момента, как на твоей голове начнет красоваться корона.

Конечно, понять намек было непросто: ведь герцог Анжуйский являлся следующим претендентом на французский престол. То ли Елизавета намекала на корону Франции, то ли на собственное согласие сделать Франсуа своим мужем и королем Англии.

Итак, французский принц уехал воодушевленный. Казалось, он искренне полюбил рыжеволосую англичанку не первой молодости, которая приносила ему две недели завтраки, гуляла с ним по парку и не считала его неким отродьем французской королевской крови. На родине Франсуа не жаловали. В Англии любви народа он почувствовать не успел, но любовь королевы вкусить ему удалось.

Елизавета промокнула глаза платком, прощаясь с «лягушонком». Затем, она дала официальное поручение Тайному Совету обсудить возможность ее брака с французом. Тайный Совет брак не одобрил. А Филипп на всякий случай написал королеве письмо, указывая на важные резоны, согласно которым ей не следовало связывать себя узами брака с Франсуа.

– Так я и знала! – воскликнула Елизавета, узнав мнение членов Совета. – И они еще пытаются уговорить меня выйти замуж!

На самом деле в душе королева поблагодарила Бога за то, что он даровал Совету достаточно мудрости. Народ и Совет в кои-то веки оказались на одной стороне. И к ним покорно примкнула королева. Никаких сообщений по этому поводу Франсуа она не отправила и продолжала переписку, как ни в чем не бывало. Французы ничего не имели против данного брака. Испанцы, которым брак Елизаветы с Франсуа не был выгоден, заволновались. Испанский посол напросился на прием к королеве и выслушал восторженный рассказ о двух «самых романтических в ее жизни неделях».

Перехваченное письмо послу от испанского короля Филиппа гласило: «Не суетитесь. Она не выйдет за него замуж». Елизавета прочитала письмо и вздохнула: Филипп часто понимал ее даже лучше, чем собственные подданные.

Осенью Дадли выпустили из Тауэра. Маму тоже освободили и велели при дворе не появляться. Граф сумел вновь добиться благосклонности королевы. Никто не возражал. Верный фаворит-англичанин куда лучше непонятого французского принца, чья мать травила всех, кто под руку попадался. Не лучшая рекомендация для жениха английской королевы...

Итак, Дадли вернул расположение королевы, маму наградили прозвищем «волчица», у Роберта снова забрезжила перспектива быть представленным Елизавете и сделать блистательную карьеру при дворе. У меня опять возросли шансы удачно выйти замуж. Придется признаться, те три месяца, что мама находилась в Тауэре, я надеялась, их брак признают по какой-нибудь причине недействительным. Королева заставит его аннулировать, и я смогу выйти замуж за Филиппа. Мечтам не суждено было сбыться. Графа никто разводить не собирався. Расположение Елизаветы он возвратил не только комплиментами и заверениями в вечной любви. Дадли притворился больным и заставил королеву поволноваться. «Лягушонок» принимал бульон из рук королевы? Теперь эту честь заслужил приболевший фаворит...

1584 год

Я пропустила множество событий, которые случились за пять лет. Для меня лично те события окрашены в серый, а то и черный цвет. До сих пор мне сложно вспомнить что-то, кроме двух свадеб: моей и Филиппа. До сих пор я не могу спокойно рассказывать об этом. Я вышла замуж первой. После визита «лягушонка» прошел всего год с небольшим, и графиня Хангтингтон нашла мне достойного жениха. То есть достойным он являлся на ее взгляд и на взгляд королевы Елизаветы, которая, не задумываясь, благословила наш брак.

Роберт Рич, граф Уорвик, твой отец, честно сказать, не понравился мне с первого взгляда. Конечно, нет в том его вины. Я, как и прежде, была влюблена в Филиппа. Наши редкие встречи при дворе королевы, лишь разогревали пламя страсти. В сравнении с Сидни Роберт безнадежно проигрывал: он не обладал и долей похожих талантов, не имел такого же уровня образования. Это не говоря уж о галантности и обаянии.

Меня заставили выйти за Рича. Был ли иной выход? Если бы Филипп настаивал, я готова была бы с ним бежать в Европу и выйти за него без благословения родных и вопреки их воле. Сейчас я понимаю: Сидни, известный поэт, живший в своих возвышенных мечтах о прекрасной даме сердца, не способен был на решительные поступки. Он не стал меня красть, тайно увозить из дворца, рискуя репутацией, да и наследством.

Я подчинилась. Мне уже шел к тому времени восемнадцатый год. Графиня пыталась всеми силами от меня избавиться. Тем более, вслед за мной следовало пристроить Дороти. Как младшая сестра она ждала, пока выдадут замуж меня. У нее не было ни к кому пылкой любви и страсти. И я не имела права подводить сестру, бесконечно отказываясь выйти замуж.

Роберт Рич был младше Филиппа – к моменту нашей свадьбы ему исполнился двадцать один год. Его неопытность в делах альковных первые годы спасала меня от настойчивых попыток зачать детей. Позже все изменилось...

После моей свадьбы Филипп написал ставший очень известным сонет «Астрофил и Стела». Прообразом главной героини стала я. При дворе немедленно Пенелопа Рич превратилась из просто знатной дамы в красавицу, вдохновившую Филиппа Сидни на написание великого произведения.

Сам Филипп женился спустя еще два года. Его женой стала Френсис Уолсингем, шестнадцатилетняя дочь одного из главных советников королевы, сэра Уолсингема. Естественно, этот брак тоже одобрили все, включая Елизавету. Для меня это стало последним ударом. Филипп явно увлекся юной женой, и наша любовь осталась лишь воспоминанием о прошедших годах.

Известия о смерти любимого «лягушонка» пришли из Франции в июне. С момента знакомства Елизавета не переставала с ним переписываться, не разрывая помолвки. Франсуа даже приезжал еще раз к королеве тайно из Нидерландов, подтверждая готовность жениться.

– У Франсуа было слабое здоровье, – жаловалась Елизавета Дадли. – Конечно, провал в Нидерландах подорвал его состояние. Возвращение в Париж стало печальным событием для Анжу.

– Ты не думаешь, что смерть принца – дело рук мамыши Медичи, известной отравительницы всех без разбору? – спросил граф.

Они гуляли по парку Ричмонда. Рядом с ними, как это было заведено, следовало несколько фаворитов королевы. Задав вопрос, граф остановился и внимательно посмотрел на Елизавету.

– Екатерина не заинтересована в браке с королевой протестантов, – продолжил он. – Ты не оповещала никого о нежелании выходить замуж за принца. Напротив, только и делала, что засыпала его нежными письмами, – Дадли вздохнул и укоризненно посмотрел на свою подругу детства.

– О, один человек точно знал, что я не выйду за француза, – Елизавета усмехнулась. – Филипп Испанский даже взял на себя труд объяснить мою позицию, успокаивая французских католиков. Он меня понимает, пожалуй, как никто другой. За исключением тебя, конечно, – королева коснулась манжета камзола графа.

– Надо было выходить за него. Испанский король не стал исключением и тоже делал тебе предложение, – Дадли нахмурился. Почему-то ему казалось, эти два монарха испытывают странную приязнь друг к другу. Ненавидят друг друга, за глаза не скупятся на злобные выпады. Но невидимая нить, связавшая их когда-то давно в коридорах королевского дворца в Лондоне, не прерывалась с годами...

Елизавета продолжала улыбаться: ей нравилось, когда ее ревновали. Летиция сколько угодно может оставаться женой Дадли. Прекрасной Дамой его сердца всегда будет лишь одна женщина – Елизавета Тюдор. И никто другой.

– У Генриха нет детей, и вряд ли они появятся, – говорил Роберт. – Твой «лягушонок» был первым претендентом на престол. Медичи прекрасно понимала, что Франсуа станет для тебя куда привлекательнее, когда взойдет на престол. Зачем ей соперница в виде английской королевы?

– В любом случае, Франсуа мне жаль, – Елизавета вздохнула, вспомнив сутуловатого, низенького принца с изуродованным оспой лицом. Он умел говорить красивые комплименты и подолгу преданно смотреть ей в глаза. Королева предпочитала умных мужчин, но Франсуа сумел привлечь ее глупыми французскими шутками и неистощимым запасом красивых фраз. Какая женщина устоит перед подобным красноречием?

Несмотря на стойкую неприязнь к любовным похождениям Дадли, Елизавета всегда была в курсе его личных дел. Мальчика, которого родила мама в год свадьбы с графом, назвали Робертом, и сына Дадли боготворил. Но ребенок с рождения не отличался крепким здоровьем.

– Что ты хочешь? – Елизавета не удержалась от ехидства. – У твоей жены это шестой ребенок. Чем дальше – тем хуже, – со знаем дела продолжала бездетная королева. – Последний ребенок от Эссекса умер в младенчестве. Летиция после здоровее не стала.

Граф выглядел расстроенным. Он даже не стал спорить с Елизаветой. Здоровье пятилетнего мальчика ухудшалось на глазах. Врачи пытались лечить его разными снадобьями, пускали кровь, толкли порошки, но все без толку. Мама постоянно находилась при сыне. Остальные дети более не требовали ее внимания, воспитываясь у опекунов. Я получала от нее письма и знала о болезни сводного брата не понаслышке.

– Я молюсь о его здоровье, – заверила Елизавета своего фаворита. – На свете случаются чудеса. Будем надеяться, Бог проявит милость к ребенку.

Про себя она думала иначе: «За тайную связь с Летицией при жизни ее мужа Роберту придется расплачиваться. Смерть графа Эссекса многие считали делом рук любовника. Сын, которого зачали во грехе, страдает за грехи своих родителей». Эти мысли она не таила, высказывая их вслух некоторым из фаворитов.

Вскоре после разговора с королевой Дадли покинул двор – мальчику становилось все хуже, и мама попросила его прибыть в Кенилворт. Елизавета постоянно отправляла Роберту письма. Он не смел хранить молчание и, не имея на то ни малейшего желания, отвечал коро-

леве. Письма не отличались разнообразием: жизнь в замке текла медленно, полностью подчинившись печальным обстоятельствам.

В начале осени мальчик умер. Роберт остался с женой, разделить горе, выпавшее на их долю. Он написал Елизавете, что не сможет пока явиться к ней. Королева неожиданно поняла, смерть сына объединила Роберта с Летицией больше, чем любая любовь и страсть. Она набралась терпения.

«Нужно лишь переждать тяжелый период. И любимый Роберт снова вернется ко мне», – наверное, так размышляла Елизавета, завтракая в одиночестве. Новые фавориты, всегда готовые составить ей компанию, заменить единственного друга пока возможности не имели.

В длительные прогулки по парку Елизавета редко отправлялась одна. Обычно за ней на почтительном расстоянии или, по ее желанию, вблизи, шла целая толпа молодых людей. Фрейлин тут не жаловали. Фавориты боролись за место возле королевы. Несмотря на давнишнюю привязанность к Дадли, Елизавета с удовольствием принимала комплименты и от других мужчин. Да и надо же было как-то мстить графу за его женитьбу.

В конце осени среди фаворитов вновь появился главный. Дадли покинул замок Кенилворт и приехал в Ричмонд. Он пообещал матери наконец-то представить ко двору ее сына, графа Эссекса. Юный Роберт и до этого бывал при дворе. Его опекун, лорд Берли, давал возможность и Эссексу, и собственному сыну представать пред очами королевы. Она молодых людей заметила. Пока не более. Главный фаворит шел рядом с королевой. Она по нему соскучилась и потому велела не отходить от нее далеко и поддерживать беседу. Роберт Эссекс шел сзади в толпе таких же как он претендентов на королевскую благосклонность. Также королеву в этот раз сопровождали и некоторые приближенные. В их числе оказались мы с Ричем...

– Погода портится, – заметила Елизавета. Беседа о погоде казалась ей в данной ситуации нейтральной и не задевающей чувства отца, недавно потерявшего сына.

– Да, холодает, – Дадли кутался в плащ и откровенно завидовал своей подруге. Елизавета все-таки отличалась отменным здоровьем и выносливостью. Слабое здоровье Тюдоров как-то обходило ее стороной.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась королева. – Мне нужна твоя помощь. Видимо, нам придется вмешаться в дела Нидерландов.

Граф удивился. Он знал, что не любит Елизавета тратить деньги, тем более тратить их на военные походы. Войну, в качестве метода решения проблем, она не признавала.

– Почему? Англия вступает в войну с Испанией?

– Что ты! Какая война! – Елизавета аккуратно ступала по мокрой после недавнего дождя земле. – Но помочь придется. Вильгельм Оранский убит. Больше некому возглавлять сопротивление.

– Ты хочешь, чтобы в Нидерланды отправился я?

– Это твое личное желание, Роберт. Я тебя туда отправлять против твоей воли не буду. Но всем известна ваша дружба с Вильгельмом Оранским. Он высоко ценил тебя, ты популярен в стране. И потом, ты сам хотел собрать войско, чтобы отправиться на помощь гёзам.

Елизавета ничего не забывала: несколько раз Дадли действительно высказывал желание помочь Принцу Оранскому в его борьбе с испанцами. Неужели Елизавета дала себя уговорить?

Королева неожиданно остановилась. Дадли, не увидевший большой лужи впереди, посмотрел на Елизавету, не понимая причины ее резкой остановки.

– Что случилось? – спросил он.

– Лужа, – Елизавета показала рукой на воду, по которой ветер гнал желтые листья, упавшие с деревьев.

– Можно обойти или вернуться назад, – последнее для Дадли было предпочтительнее. Он давно начал замерзать и очень хотел вернуться во дворец, выпить горячего вина. Он даже не отказался бы от наваристой бараньей похлебки...

Никто не заметил, как от группы молодых людей, следовавших за королевой, отделился высокий юноша. Он подошел к луже, скинул свой шерстяной плащ и кинул его под ноги Елизавете. Королева едва кивнула юноше. Она прошла по плащу через лужу, не намочив ноги, и даже не оглянулась. Но спросила Дадли:

– Кто это был?

– Старший сын Летиции, юный граф Эссекс.

– Пригласи его ко мне сыграть партию в карты, – Елизавета обернулась и увидела, как Эссекс встряхивает плащ. Прекрасная фигура, привлекательное лицо. Пожалуй, он не выглядел таким же утонченным, как Дадли. В нем виделось больше мужественности и внутренней силы.

Елизавета гуляла еще час, утомив графа Лейстера до крайности. Он не смел покинуть королеву, но и сил уже на пространные беседы не оставалось.

В конце концов, Елизавета повернула к дому. Слуги всполошились: следовало подавать обед. Большой стол в обеденном зале начали накрывать к приходу королевы. Она проследовала к себе в комнату переодеться.

– Не забудь передать приглашение сыграть в карты Эссексу. Сегодня в пять. А ты приходи на обед, – Елизавета отдала распоряжения Дадли и скрылась за дверью спальни.

В тот вечер и завязалась дружба королевы с Робертом. Молодой человек восемнадцати лет нисколько не робел в присутствии Ее Величества. Она ему сильно напоминала мать. Пожалуй, он даже не замечал разницы: бледное лицо, рыжие волосы... И у той, и у другой присутствовала в характере общая черта, объединявшая всех женщин рода Болейн. Они привлекали мужчин не красотой, о которой можно было бы поспорить, а некой внутренней силой и магнетизмом. Роберт скучал по матери. Они практически не виделись со дня смерти отца. Он скучал по разговорам у камина, по рукам, взъерошивавшим его волосы...

Карточные игры у Елизаветы напоминали ему о днях, которые он проводил с матерью в детстве. Отличное образование, полученное стараниями лорда Берли, помогало Роберту поддерживать непринужденную беседу. Он был в меру галантен и обходителен без заискивания и подобострастия, присущих большинству подданных Ее Величества.

Дадли зарождавшейся дружбе был рад. Граф и сам удивился своим чувствам. Гора свалилась с его плеч: он желал уединения с женой. Жизнь при дворе стала ему после смерти сына в тягость. Если Роберт Эссекс сможет занять место первого фаворита королевы, то лучшего выхода для себя Дадли не видел.

Я же радовалась за брата, потому что знала точно, насколько ему важно стать первым среди первых, лучшим среди лучших. При дворе теперь у меня появился родной человек: после знакомства королева Роберта от себя отпустить не желала.

1585 год

Следующие годы можно назвать трагическими. Иногда я думаю, одни события становятся менее печальными для нас только потому, что мы их сравниваем с другими событиями, произошедшим позже и имевшим куда более страшные последствия. В Нидерландах оказались трое мужчин одновременно. Двое мне были, безусловно, дороги. Третий так и не успел снискать моего расположения. Роберт Эссекс, Филипп Сидни и Роберт Дадли... На сей раз рассказывал мне о случившемся брат и мой второй муж. Скоро ты поймешь, почему...

Вернуться к жене графу Лейстеру не удалось. Королева пожелала отправить его в Нидерланды и мнения своего на этот счет не изменила. Дадли не стал противиться: ситуация складывалась и в самом деле для Англии неблагоприятная. Роберт, быстро снискавший расположение королевы, теперь также был в курсе событий. Он, как всегда, рвался в бой и очень надеялся, что граф возьмет его в Нидерланды.

– Мы все-таки вступаем в войну с Испанией и Францией? – граф поверить не мог, что Елизавета, постоянно избегавшая военных действий, решилась на подобный шаг.

– Нет, мы просто помогаем голландским протестантам всеми силами, – королева поджала губы. Ей и самой совсем не нравилась перспектива отправки за море войска, а главное денег в поддержку гёзов.

Конечно, если бы не подлое убийство Вильгельма Оранского, возможно удалось бы избежать открытых действий. Елизавета собиралась продолжать политику невмешательства в дела дерущихся между собой стран, выжидая и переписываясь со всеми «братьями» одновременно. Но после гибели своего предводителя протестанты в Нидерландах остались наедине с врагами. Не только испанцы, но и французы повели против них битву.

– Пал Антверпен. Герцогу Пармскому удалось отбить город. Мне доложили: большая часть населения бежала на север. Но Парма на этом не остановится. Нидерланды по очереди обращаются то к нам, то к французам с просьбой возглавить страну. Французы сейчас выступают на стороне Испании. Англия остается один на один с врагами, – Елизавета нахмурилась. – Если Нидерланды сдадутся, через пролив от нас встанет целая стена католиков, у которых, как известно одна цель – вернуть Англию в лоно католической церкви, посадить на трон кого-то, кто проводил бы нужную Испании политику.

– Испании и Франции, – тихо добавил Дадли.

– Нет, Францию пока я не считаю достойным противником, – Елизавета покачала головой. – Без Испании она – ничто. Три Генриха дерутся между собой. Вести из Парижа приходят одна хуже другой. Но нельзя забывать, старшая дочь Медичи замужем за Филиппом. Екатерина разделяет испанские интересы.

Разговор велся в любимой комнате королевы, примыкавшей к спальне. Здесь она читала, переводила, писала письма, а порой принимала иностранных послов и близких друзей. Граф был рад, что сегодня они не гуляют по парку. За последний год он не раз жаловался маме на то, как чувствовал себя рядом с Елизаветой не ровесником, а человеком куда более старшего возраста. Отправиться в Нидерланды? Отчасти он повторяет судьбу первого мужа Летиции: тот устанавливал власть Елизаветы в Ирландии, Дадли отправляют устанавливать власть в Нидерланды. Причем, и в том, и в другом случае предприятие финансировалось за счет графов. А Дадли прекрасно понимал, это не поход в море Джона Хокинса или Френсиса Дрейка. Послед-

ние тоже финансировали предприятия за свой счет. Только прибыль получали в несколько раз превышавшую вложения. В Нидерландах окупить расходы вряд ли удастся...

– Когда мне выезжать? – граф покорился судьбе. Отказать королеве он все равно не смог бы. К тому же он осознавал, его популярность в сопротивлявшейся католикам стране играла здесь не последнюю роль. Он ехал туда в качестве давнего друга Принца, известного пылкими речами в поддержку страны, в которой бесчинствовали испанцы.

– Тебе надо собрать войско. Чем скорее, тем лучше. Долго гёзам одним не продержаться. А нам нужен союзник на том берегу пролива.

О деньгах королева не сказала ни слова. Друзья и сторонники графа не откажутся отправиться в Нидерланды вместе с ним. Со сбором средств будет несколько тяжелее.

– Вы позволите мне ехать с графом Лейстером? – неожиданно раздался голос Роберта Эссекса.

Елизавете не хотелось отпускать от себя юного фаворита, но его пылкий взор сделал свое дело. Она кивнула в знак согласия.

Через несколько дней перспектива отъезда уже не так пугала Дадли, как вначале. К нему вернулось былое воинственное настроение. Он был готов мстить за друга и возглавить сопротивление мятежной страны. Дадли намеревался заложить свой замок. С помощью вырученных денег он планировал покрыть расходы.

– Не обязательно получать прибыль, – говорил он матери. – Иногда слава на поле брани, слава мудрого правителя стоит дороже золота.

Дадли видел себя на троне в Голландии. Мечты кружили голову, и даже здоровье стало резко улучшаться.

В декабре ему удалось собрать четыре тысячи человек. В Нидерландах официального представителя Елизаветы ждали в каждом из городов Северных провинций. Прием графу готовили истинно королевский. Вместе с графом поехал Роберт. Он стремился проявить себя на поле брани и отчим взял его с собой, назначив командовать кавалерией. Третьим в их компании стал Филипп Сидни. В тот год у него родилась дочь. В честь королевы девочку назвали Елизаветой. Растрогавшись поступком лучшего придворного поэта, Елизавета-старшая взяла на себя ответственную роль крестной матери.

Мы провожали в поход любимых мужчин с тяжелым сердцем. Мама волновалась за Роберта и Дадли. Ее положение оставалось незавидным. При дворе маму не принимали. Замок графа был заложен. Общий с графом сын умер, а сам граф собирался на войну. К тому же с собой брал Роберта. Я имела полное право открыто проливать слезы по брату. В душе больше я переживала за Филиппа. Роберт отличался высоким ростом и крепкой фигурой. Он выглядел старше своих девятнадцати лет. Утонченный Филипп Сидни куда хуже вписывался в картину военных действий. Его место в гостиных замков, в театрах, на аллеях цветущих садов и парков. Но делать было нечего: он сам проявил желание присоединиться к друзьям.

1586 год

Елизавете сообщили: двадцать пятого января в Гааге графа Лейстера уговорили принять пост генерал-губернатора. Королеве такая самостоятельность не понравилась. Она старалась не путать государственные дела с личными. Коль граф отправился в Нидерланды представлять ее интересы, то должен был посоветоваться, прежде чем принимать высокий пост.

В Англии в отсутствие Дадли она еще больше сблизилась с Чарльзом Блантом, постоянно крутившемся при дворе, и снискавшим любовь великой покровительницы.

Да-да, это мой второй муж и отец моих детей. Но тогда мы были едва знакомы. Елизавета ежедневно вызывала Чарльза к себе. Я знала, брат и Блант, оба борются за расположение королевы. Ей прыть молодых людей нравилась. Как нравились и их манеры, воспитание, умение говорить комплименты. Последнее, пожалуй, больше всего. Но Роберта Эссекса и Роберта Дадли в тот момент рядом с ней не было.

За игрой в карты королева делилась с Чарльзом своими заботами:

– Он стал генерал-губернатором, не посоветовавшись. Принял должность, которая обязывает меня стать сувереном Нидерландов, – Елизавета сердилась на Дадли и не упускала случая заговорить о его делах.

– Граф писал вам, – слабо возражал Чарльз. – Но ветры помешали посланию добраться до берегов Англии, – он не то чтобы пылко выгораживал графа, скорее вежливо поддерживал беседу.

– Какой бы ни являлась причина, нужно было дожидаться моих указаний! – Елизавета, загнанная в ловушку решением Дадли, не унималась. – Я не собираюсь управлять Нидерландами. Одно дело – помощь, совсем другое – взять на себя ответственность за еще одну страну. Причем, страну, которая находится в состоянии войны!

– Вы могли бы присоединить к Англии новые земли.

– Зачем? Зачем Англии земли Нидерландов? Это заставит нас официально вступить в войну с Испанией. А того хуже и с Францией. Мы туда отправили графа Лейстера, чтобы он предотвратил войну, а не начинал ее.

Чарльз Блант согласно кивал.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Отозвать Дадли обратно в Англию. Пусть возвращается.

Но к концу лета Дадли так и не вернулся. Позже брат рассказывал, как по указанию королевы граф пытался проводить реформы в Нидерландах, но безуспешно. Елизавета отдавала приказ за приказом. Единственное, что она не делала – не отправляла графу Лейстеру ни денег, ни солдат. Кампания продолжала существовать полностью за его счет.

– Гёзы больше не поддерживают графа? – спросил как-то Чарльз королеву.

– С чего ты взял? – она недовольно посмотрела на нового фаворита.

– Он запретил им торговлю с испанцами.

– Торговать с врагом? Запрет наложила я, – Елизавета поджала губы.

Блант понял, что высказался неверно. Он видел: все средства графа уходили в Нидерланды, ему пришлось несколько раз повторно брать в долг. Моя мать надеялась, королева не бросит фаворита на произвол судьбы. Но приближенные Елизаветы хорошо знали королевскую скупость.

– Сам Дадли совершает ошибки, – бубнила Елизавета себе под нос. – Казнил губернатора Грейва, сдавшего город испанцам. Жестокое решение. Это вместо того, чтобы прийти ему на выручку. Теперь против Дадли ополчились слишком многие.

Чарльз осознавал, Елизавета всю вину за происходящее пытается свалить на графа. Она не станет ему помогать. А небольшое войско Дадли не способно сопротивляться огромной силе

герцога Пармского. Возвращение в Англию было бы для Дадли сейчас наилучшим выходом из положения. Вместе с ним я ждала и возвращения Роберта и Филиппа.

Вернулся Дадли в декабре после неудачного сентябрьского сражения при Зютфене. С ним возвратились Роберт и Филипп. Вот только последний вернулся на родину погибшим в сражении героем...

– Странно, но предыдущие стычки с испанцами не приводили к столь печальным последствиям, – брат рассказывал мне подробности рокового сражения. – Герцог Пармский окружил Рейнберг, а мы в ответ начали окружать Зютфен. Парма выслал в Зютфен провизию, помочь осажденным. Граф Лейстер вовремя узнал об этом. Мы стояли наготове. Конница, пехота – все стояли в том месте, где, по словам захваченных нами испанцев, должна была пройти помощь в город. В начале сражения, казалось, мы одерживали верх. Я командовал конницей и не видел, что происходило в других местах. Позже выяснилось, что испанцы не давали нам подойти к конвою, перевозившему провизию, стараясь очистить ему путь в город. То есть они жертвовали всем ради того, чтобы конвой попал в Зютфен. И им это удалось. Когда в город пришла помощь, нападать на нас начали уже оттуда. Нам пришлось отступить. Но осаду мы не сняли.

Да, нельзя назвать результат той битвы поражением. Поражение пришло позже, когда год спустя предатели интересов Англии Стенли и Йорк сдали позиции возле Зютфена Испании. То было поражение формальное. На самом деле именно смерть Филиппа Сидни во время сражения подорвала дух англичан. Он ведь был не только известным поэтом, а и просто человеком, которого многие любили за добрый и открытый нрав.

– Филипп перед сражением снял набедренную часть доспеха, – делился подробностями Роберт. – Именно в бедро и попала потом пуля. Три недели врачи пытались ее вытащить, но безуспешно. Филипп умер от заражения крови.

Я долго не могла прийти в себя, услышав жуткие подробности смерти любимого мною мужчины. Я представляла себе его мучения и вновь, и вновь пролиwała слезы. В декабре следующего года останки Филиппа Сидни привезли в Англию. А в январе его с почестями похоронили в Соборе Святого Павла. На похороны пришла целая толпа людей – у Филиппа было немало поклонников. Граф Лейстер утверждал, такой процессии свет не видывал. Во время похорон пели песню, которую Филипп сочинил, умирая, и завещал спеть у гроба.

Сама королева пролиwała слезы возле могилы любимого фаворита. Они часто ссорились, ведь Филипп всегда разговаривал с Елизаветой, откровенно выражая собственное мнение. Но он умел возвращать ее расположение, а она искренне любила талантливого поэта.

1587 год

Все основные фавориты Елизаветы вновь оказались в Ричмонде. Все, кроме недавно преданного земле Филиппа Сидни. Брат и Чарльз Блант соревновались в красноречии, пытаясь завоевать симпатии королевы. Казалось, оба искренне ревновали друг друга к немолодой женщине, любившей пользоваться белилами и румянами в безуспешной попытке скрыть свой возраст. Но культ красоты Елизаветы не уменьшался с годами. За ее общество сражались юные фавориты, чему в глубине души искренне радовался граф Лейстер.

Мама говорила, порой, он вспоминал былые годы, и ревность тоже прокрадывалась в его сердце. Но Дадли устал. Его здоровье заметно пошатнулось после смерти сына и неудачного пребывания в Нидерландах. Пошатнулось и финансовое состояние: долгов у графа накопилось предостаточно.

Ненадолго ему удалось уехать в Кенилворт к жене. Маме по-прежнему не позволено было появляться при дворе. Она вела уединенный образ жизни.

– С долгами мужа иначе бы и не получилось, – объясняла мне мама при встрече. – Самое главное – нежные чувства, которые мы с мужем питаем друг к другу. Конечно, Роберт надеялся, что королева хотя бы частично покроет его расходы. Но она не стала тратить ни пенни.

Это не было мстью графу, скорее опостылевшей «волчице», как называла Летицию Елизавета.

В тот год я часто жила у матери, потому что, наконец-то, к радости мужа, забеременела. Да и мама искренне радовалась, когда я проводила у нее время. Она чувствовала себя очень одинокой: граф постоянно отлучался в Лондон, еще раз уезжал в Нидерланды, и опять неуспешно. Тем более, Роберт все время проводил при дворе, став для Елизаветы прекрасной заменой Роберту-старшему, графу Лейстеру.

Мы сблизились с мамой, как никогда раньше. И уже ничто после не изменит наших теплых взаимоотношений. Она будет поддерживать меня, я буду стараться помочь ей. Ведь трагические годы для нас только начинались. Судьба вовсе не собиралась прекращать испытания, которые щедро разбрасывала на нашем жизненном пути.

1588 год

Первым у меня родился сын. Конечно, я назвала его Робертом. В честь брата. Для мамы это имя тоже было дорогое. Ведь, так звали не только моего брата, графа Эссекса, не только графа Лейстера, маминого мужа, но и их умершего общего маленького ребенка.

К сожалению, после родов мой муж, обрадованный рождением сына, вовсю старался получить от меня следующего ребенка. Я же любила его не более, чем до появления на свет нашего первого сына. Даже хуже – муж стал вызывать отвращение.

Единственное, что меня всегда отвлекало – двор. Там интриги не прекращались ни на минуту. И подчас принимали вид совсем нешуточный.

А вот Роберту Эссексу жизнь при дворе быстро наскучила. После военных действий в Нидерландах он оставался в королевском дворце неотлучно. Королева его старалась от себя не отпускать. Но в тоже время она держала при себе и других фаворитов, то приближая их, то удаляя. Никакая испанская Армада не могла нарушить заведенный порядок. Летом, когда военные действия были в самом разгаре, и граф Лейстер возглавлял защиту Лондона, выстраивая на Темзе укрепления, Роберт умудрился вызвать на дуэль Чарльза Бланта.

– Ему не сидится на одном месте, – оправдывала Роберта мама. – Он рвется на поле боя...

Но на поле боя Елизавета ему идти не позволяла. Подобная привязанность вовсе не мешала королеве флиртовать с Блантом. Война с Испанией в свою очередь не мешала проводить турниры. Когда она в качестве особой расположенности пожаловала Чарльзу золотую брошь в виде шахматной королевы, тот тут же нацепил ее на рукав. Роберт в турнире отличиться не смог, и его злило все – и успех Бланта, и собственное бессилие доказать, что он сильнее.

Роберт не нашел ничего лучше, как оскорбить Чарльза прилюдно.

– Дуракам всегда везет! – И Роберт ткнул пальцем в золотую брошь.

Чарльз схватил брата за руку:

– Кого ты называешь дураком? – вскипел он.

– О, ты даже не понимаешь, о ком речь! – Роберт тут же вызвал Бланта на дуэль.

Чарльз отказаться не мог – ссору видело слишком много народу. В итоге Роберта ожидало жестокое разочарование: Чарльз слегка его ранил и сумел отобрать оружие. Унижение скрасило лишь вмешательство королевы. Она вызвала к себе обоих дуэлянтов и заставила помириться.

– Больше не смейте драться, – выговаривала королева, собрав чуть не весь двор в своих покоях. – Вы должны обещать мне стать добрыми друзьями.

Фавориты почтительно поклонились. Я на примирение не надеялась, но вскоре Роберт и Чарльз действительно подружились.

– Не ожидала, Роберт, что ты способен наладить отношения с бывшим врагом, – я не удержалась от сарказма, узнав об их сближении.

– Сэр Чарльз оказался не так плох! – заверил меня брат.

Через несколько лет я сама попала под обаяние Бланта. Хотя, пожалуй, понравился он мне сразу. Просто после неудачного замужества и смерти Филиппа я долго не позволяла себе влюбляться.

Вскоре про дуэль забыли. События более важные заслонили всякие мелкие происшествия, случавшиеся при дворе. Осенью стало ясно, Испания терпит от нас поражение на море.

– Дрейк доказал, его тактика превосходит испанскую! – гордо объяснял мне Роберт.

– Все же Армаду по большей части разметала буря, – возразила я в ответ.

Никто собственно и не скрывал: погода выступала на стороне англичан.

– Неважно! Знаешь, как говорят в народе? «Сам Господь воюет за Англию». Бури ниспосланы свыше. Не стоило даже пытаться выходить в море для того, чтобы сражаться против нас! – помню, Роберт стоял возле камина, выпрямив спину, отчего казался еще выше. Он снисходительно смотрел сверху вниз на нас с мамой. Мы не пытались спорить. Главное, наши любимые мужчины остались живы. Не смотря на мою неприязнь к графу, я радовалась за мать. Скоро Дадли вернется домой. А учитывая растущую привязанность королевы к Роберту, мама надеялась, граф все же останется на этот раз дома надолго.

Надолго, как это ни ужасно, оказалось «навсегда»...

Смерть застала его по дороге домой. Граф собирался на лечение в Бат, а по пути хотел заехать повидаться с мамой. Они так и не увиделись после долгой разлуки. Он умер неожиданно, не мучаясь и не проболев ни дня. Просто не проснулся утром, словно посчитав, что настал его час покинуть всех нас.

Новость мы с Робертом узнали в Ричмонде. Некоторое время никто не осмеливался доложить о случившемся королеве. До обеда она пребывала в неведении. Правда, Елизавета явно находилась не в лучшем настроении. После завтрака она, вопреки обыкновению, одна гуляла по аллеям парка. Приближенные шли чуть поодаль, готовые кинуться к ней по малейшему мановению руки. Но Елизавета никого не подзывала к себе.

– Словно чувствует, произошло что-то, – пробормотал Роберт.

Я не верила в предчувствия, да и думала в тот момент больше о маме.

– Робин, мне следует уехать домой. Мама одна принимает сейчас эту ужасную новость. Нельзя оставлять ее в одиночестве.

– Подожди. Увидим реакцию королевы и, может быть, поедем вместе.

– Что изменит реакция королевы? – возразила я, не понимая, почему Роберта больше волнует Елизавета, а не родная мать.

Чувства, которые брат испытывал к королеве, всегда оставались для меня загадкой. Он не играл в ревность, а искренне пытался отвести от нее других фаворитов. Единственный мужчина, к которому Роберт не ревновал Елизавету, только что умер.

– Граф оставил после себя огромные долги. Думаю, это – одна из причин его скоропостижной кончины. Кампания в Нидерландах высосала с него все силы и все деньги. Я надеюсь, Елизавета хотя бы после его смерти выкупит долги. Иначе матери придется прозябать в бедности, – объяснил Роберт.

– Мама не будет прозябать в бедности! – возмутилась я.

Мы шли в окружении небольшой группы фаворитов и фрейлин. Они слышали мой громкий возглас и смерили меня осуждающими взглядами.

– Я не брошу ее, – зашептала я тише.

– Я тоже не брошу. Но вы с Дороти – замужние дамы и зависите от ваших мужей. Я пока не имею большого дохода. Было бы хорошо все-таки добиться погашения долгов королевой.

К сожалению, брат был прав. Оставалось дожидаться момента, когда кто-нибудь решится открыть королеве правду. Уильям Сесил, лорд Берли, взял тяжелую миссию на себя. Двор затих. Кто-то ждал бури, кто-то слез и громкой истерики. Но никто не ожидал того, что случилось на самом деле. Королева заперла дверь в свою спальню и во дворце установилась звенящая тишина.

– Ее отец, запираясь в комнате, начинал бить об стену все попадавшееся ему под руку, – прошепелявил один из старейших подданных Ее Величества.

– Лучше б она что-нибудь била, – ответил лорд Берли.

Не хотелось верить в безумную любовь королевы к Дадли, но где-то в глубине души мне тоже стало страшно. Я вспомнила свою детскую, восторженную любовь к Филиппу и неожиданно представила себя на месте Елизаветы. Она ведь знала графа с ранних лет. Всю жизнь он оставался с ней рядом. Так что же может значить тишина, установившаяся за дверьми ее спальни?

Никто не осмеливался попытаться войти внутрь.

– Я стучал, но королева приказала оставить ее в покое, – лорд Берли лишь разводил руками. – Надо дать Ее Величеству время побыть одной, коли на то ее воля.

Подданные неслышно передвигались по дворцу. По несколько раз в день Сесил подходил к спальне королевы и прислушивался. Ни звука!

– Роберт, я поеду к маме, – объявила я брату о своем решении к вечеру. – Она там одна, и только Богу известно, как себя чувствует. Уверена, переживает не меньше Ее Величества.

Замок стал похож на склеп. Сразу как я вошла внутрь, повеяло холодом. Наступил октябрь, и тепло начало отступать, сдаваясь под напором ветра и дождя. Замок не отапливали.

«Бедная мама, – подумала я, – у нее нет денег даже на дрова для камина».

Меня никто не встречал. Впрочем, я не предупредила о приезде. Скорее всего, моя комната не готова, и в ней холодно, хуже, чем на улице. Те немногие слуги, которых позволила себе оставить мама, наверное, разбрелись по замку, не имея сильного желания выполнять свои обязанности бесплатно.

Я велела моим слугам отнести вещи наверх в спальню, а сама отправилась искать Летицию. Мама сидела в огромной комнате, где когда-то граф принимал многочисленных гостей. Посреди помещения стоял гроб. Я вздрогнула. Сколько мама тут уже находится? Граф умер вчера. Видимо, его привезли сюда к вечеру. У меня начали стучать зубы. То ли от ужаса, то ли от холода.

Обхватив себя руками, я медленно пошла к маминому креслу. Она слышала шаги.

– Ты приехала? – Голос не дрожал, а по щекам не катились слезы. Но мертвенно-бледное лицо мамы отчего-то внушало страх.

– Когда похороны? – ответила я ей вопросом, посмотрев в сторону гроба.

– Завтра. Раньше подготовиться не успели. Мы едем в Уорик, рано утром.

– Ты хочешь похоронить его там же, где похоронен малыш Роберт? – вопрос вырвался сам собой: я пребывала в уверенности, что похороны графа будут привилегией королевы.

– Это воля моего мужа, – произнесла мама чуть громче. – Граф завещал похоронить себя возле сына. Рядом похоронены его предки. Он всегда любил Уорик.

У меня выбора не оставалось, как только ехать на следующий день с мамой. На пышные похороны денег не было. Их не осталось даже на скромные похороны, но друзья графа помогли вдове устроить Дадли подобающее прощание.

В Соборе Святой Марии собралось несколько человек. Я вспомнила такую же малочисленную свадьбу мамы в Кенилворте десять лет назад. Казалось, с тех пор прошла вечность.

«Ах, если бы отец остался жив!» – думала я возле могилы графа Лейстера.

Слухи об организации графом убийства Уолтера Деврё не утихали, несмотря на проведенное расследование. «Я должна простить его. Господи, помоги мне простить человека, чья жизнь на земле уже закончилась. Только тебе известно, действительно ли виновен граф в смерти отца».

Отныне два Роберта покоились рядом: сын и отец. Судьба не была милостива к Дадли. Осталось проявить милость мне. Я перекрестилась и глубоко вздохнула. Вместе с графом я похоронила часть своего прошлого. Стало ли легче на душе? Пожалуй...

– Королева не покидала спальни несколько дней, – рассказал мне Роберт о том, что происходило в Ричмонде в мое отсутствие. – Лорд Берли распорядился взломать дверь.

– А королева? – я представить не могла, как Уильям Сесил решился на такое.

– Она поблагодарила лорда. «Англия не должна оставаться без королевы, даже если умер один из ее благороднейших подданных», – примерно эти слова произнесла Елизавета, когда дверь в ее комнату открылась.

– Будет ли она оплачивать долги графа?

– Пока об этом нет и речи, – Роберт покачал головой. – Королева лучше к матери относиться не стала. Граф незадолго до смерти прислал ей письмо, которое Елизавета хранит, как драгоценную реликвию в своем ларце. Ее Величество продолжает считать Летицию «волчицей», обманом затащившую графа под венец. Последнее письмо Дадли, считает королева, доказывает, перед смертью он думал лишь о ней, а вовсе не о своей коварной супруге.

– А ты как думаешь, Робин?

– Я всегда хорошо относился к графу, – брат провел рукой по узкой бородке. – Меня не интересуют его взаимоотношения с женщинами. С его помощью я получил отличное образование и был представлен королеве. Я постараюсь ей заменить Дадли. Она и вправду страдает.

О матери Роберт не сказал ни слова. Он изменился, мой брат. Жизнь при дворе меняет многих. Его взгляд стал холоднее, голос жестче. Или он просто повзрослел? Я не уверена. Но рядом со мной больше не было младшего брата. Рядом стоял высокий, красивый, уверенный в себе мужчина с неизменно горделивой усмешкой на лице...

1589 год

Роберт был уверен, королева считает его трусом, недостойным великих свершений на поле битвы. Она не позволяла ему даже думать об участии в планируемых военных сражениях против Испании.

– Мне надоела жизнь при дворе, – жаловался брат. – Надоели глупые фрейлины с их вечными интригами, хихиканьем, кокетством. Надоели приемы, танцы, охота. Дрейк готовит новый поход, а мне Елизавета запретила идти вместе с ним.

– Она боится потерять тебя, Робин, – неожиданно для самой себя я начала защищать Ее Величество. – Ее верный фаворит умер, и она не хочет рисковать твоей жизнью.

– Я не выдержу постоянного пребывания при дворе! – Роберт, как всегда, стоял, возвышаясь надо мной могучей горою. – Она должна понимать: меня нужно отпускать время от времени. Если мне не позволят ехать, я сбегу!

В Роберте я не сомневалась: если захочет – сбежит. Он держался с королевой на равных, без подобоострастия, присущего большинству придворных. Порой даже дерзил, но ему все сходило с рук. Елизавета его прощала, и это раздражало двор. С другой стороны, у Роберта было несколько близких друзей, которые его искренне любили. Они вполне могли помочь ему бежать с Дрейком.

Чуть позже Роберт столкнулся с новой напастью. Собравшись в поход, он совсем не подумал о деньгах. Королева не изменяла себе – кампанию финансировали сами участники. Вкладывать деньги в сомнительное предприятие никто не торопился: прибылью на этот раз не пахло.

– Зачем Дрейку странная затея с возвращением на престол короля Португалии? Зачем ему лавры военные, когда он их уже получил, разгромив в прошлом году Армаду? – недоумевала я.

Роберт, хоть и считал женщин наиглупейшими созданиями, счел нужным объясниться:

– Армада вернулась к испанским берегам в плачевном состоянии. Всего половина кораблей добралась до родины, и те нуждаются в ремонте. Мы имеем хороший шанс разгромить их до конца. Поговаривают, испанский король планирует нанести второй удар по Англии. Он будет заниматься ремонтом кораблей и сбором новой Армады. Дрейк не хочет ждать, пока Филипп подготовится. Сейчас самое время нанести удар по остаткам кораблей, скопившихся в Сантандере. Затем, сэр Френсис пойдет к Лиссабону и Азорским островам. Есть возможность прославиться и разбогатеть!

– Кстати, интересный вопрос: откуда ты возьмешь деньги, чтобы пуститься в плавание? – я не удержалась от ехидства.

Плачевное состояние наших финансов не являлось ни для кого секретом. Нас с Дороти содержали мужья, а вот положение Роберта мало чем отличалось от маминого. Наследства, доставшегося ему от отца, едва хватало на покрытие повседневных расходов. А после графа Лейстера остались одни долги.

– Я договорился. Мне дадут денег в долг.

– Опять в долг. Роберт! – я не верила своим ушам. Как можно повторять ошибки, которые до тебя уже совершили другие люди!

Тем не менее, вскоре стало понятно: Англия серьезно готовится выступить. Королева вопреки обыкновению выделила четверть необходимой суммы. Часть денег поступила от голландцев, кровно заинтересованных в окончательной победе над испанцами. Остальное вкладывали такие же как Роберт Эссекс знатные люди Англии и торговцы.

К выходу в море подготовили шесть королевских галеонов, шестьдесят голландских быстроходных судов и двадцать пинасов. Моряков, солдат и командующих набралось около двадцати четырех тысяч. Назвали флот Английской Армадой.

Конечно, я не разбираюсь в тонкостях военных действий. Я лишь пересказываю услышанное при дворе и рассказанное самим Робертом. Великим планам не суждено было сбыться. Но все по порядку. Собранный флот стоял в портах в ожидании попутного ветра. Появлялось подозрение, что Господь препятствует выходу в море англичанам точно так же, как год назад препятствовал испанцам. Нам повезло тогда. Не стоило ли остановиться? Я молчала, а те, кто вложил деньги в предприятие Дрейка, волновались не на шутку.

В этом месте придется немного отвлечься на дела семейные. Мама не уставала нас удивлять и в мае вышла замуж за Кристофера Бланта. Кристофер приходился родственником Чарльза. Оба дружили с Робертом. Когда умер Дадли, брат попросил Кристофера помочь матери с похоронами. Так они и познакомились. Мама была старше третьего мужа на пятнадцать лет. Кроме того, он являлся близким другом ее сына. Я постаралась проявить понимание и маму не осуждать. Если уж Роберт не считал этот брак чем-то странным или выдающимся, то к чему мне высказываться против.

Мама, однако, посчитала нужным со мной объясниться. Когда я приехала к ней поделиться новостью – муж добился своего, и я забеременела во второй раз – она заговорила о Кристофере.

– Ты, скорее всего, считаешь меня совершенно неспособной на сильные чувства, Пенелопа. Но это не так. Я страдаю, люблю и переживаю так же, как ты. Вы с Дороти меня осуждаете. Я вижу это по вашим глазам, пусть слова и не высказаны вслух. Вы считаете меня виновной в смерти вашего отца.

Я изо всех сил мотала головой, но мама продолжала говорить, не обращая внимания на мои попытки ее остановить.

– Когда я выходила замуж в первый раз, была счастлива. Поверь. В отличие от тебя. Да, я прекрасно помню, что тебя мы выйти замуж заставили. И то мой грех, за который расплачиваюсь своей несчастливой судьбой.

Пересев к матери поближе, я взяла ее руки в свои и сжала их, показывая, что не держу на нее зла. И в самом деле, я бы не считала себя такой уж несчастной, если бы не настойчивое желание мужа делить со мной постель. Забеременев, я освобождалась от тяжелой обязанности всего лишь на несколько месяцев вперед...

– Мы с Уолтером любили друг друга. Мы были молоды и наслаждались жизнью вдвоем. Шло время. Люди меняются, Пенелопа. Яркие краски молодости выцветают, уступая место новым оттенкам. А новое не всегда достойная замена того, что было. Я не виню твоего отца. Я тоже менялась. Рождение детей давалось мне с большим трудом. Я плохо переносила беременность, с чудовищной болью рожала. Уолтер хотел мальчика. Наследника. Его нельзя не понять. Но и после рождения Роберта он не прекратил попыток подарить миру детей. Я стала избегать мужа. Я радовалась, когда он уезжал из дома.

О, здесь маму я понимала. Чувствовала я себя во время беременности прекрасно. Но отъезд мужа из дома для меня тоже становился праздником...

– Уезжал Уолтер все чаще и чаще. У него появилось желание выдвинуться при дворе. Так он попал в Ирландию. После он уже никогда не был прежним. Он больше не напоминал мне того Уолтера, которого я знала в молодости. В нем появилась не жесткость – жестокость. Если человеку нравится убивать себе подобных, он теряет что-то важное в своей душе. То, чего не вернуть.

Я вздрогнула. Нахлынули воспоминания о недавних разговорах с Робертом, и на глаза навернулись слезы.

– Ты плачешь? Прости, я не должна забывать о твоём положении! – воскликнула мама, проводя по моему лицу платком.

– Нет, нет. Дело не в тебе, – я снова схватила ее за руку. – Я подумала о Роберте. Он рвется на войну. Он жаждет подвигов, а значит крови врагов. Ему, как и отцу, не сидится на месте. Только сейчас я поняла, насколько они похожи.

Мы обе замолчали. Тягостные мысли кружили в голове. Я первой нарушила тишину:

– Успокойся, мама. Я не виню тебя в смерти отца. И графа тоже не виню. Смерть настигла его тогда, когда то было угодно Богу.

– Спасибо. В графа Лейстера я влюбилась с первого взгляда. Ты же знаешь сама, как бывает. Он был хорошим человеком. Добрым и мягким. Служба при дворе и участие в сражениях не превратили его сердце в камень.

– Но любовь к королеве? Мама, его последнее письмо было написано ей! – воскликнула я, не выдержав. Одно дело – простить графа, другое – сделать из него безгрешного рыцаря.

И снова в комнате повисла тишина. Я успела пожалеть о вырвавшихся словах. Зачем делать больно тем, кого любишь? Тошнота начала неожиданно подкатывать к горлу. Я сделала глоток вина, из бокала, стоявшего на столике возле меня. Стало чуть легче.

– Прости, не хотела причинить тебе боль.

– Нет, нет, ничего. Я сама начала этот разговор, – мама вздохнула. – Знаю. Про письмо я знаю. Он любил и ее тоже. Мужчины умеют любить двух женщин одновременно, – она горько усмехнулась. – Граф никогда не скрывал от меня своей привязанности к Елизавете. Он был обижен на нее за нежелание стать его женой. После смерти первой жены граф ждал несколько лет согласия королевы. Помнишь тот прием в замке Кенилворт? Оказывается, тогда он в последний раз пытался таким образом сделать ей предложение. Великолепное представление имело целью поразить Елизавету в самое сердце.

– И ведь она любила его! – не выдержала я. – Почему же отказала?

– Кто знает? Мы с тобой не занимаем трон Англии, хоть и являемся родственницами королевы. Нам не понять... А Дадли посчитал добрым знаком наше знакомство. Он стремился к семейному теплу и нашел его в нашем доме. Смерть сына стала ударом для нас обоих. Оправиться нам не удалось. Я хотела сказать о Кристофере. Пойми, Пенелопа, я в долгах. Королева не просто отказалась погасить часть долгов графа, она отняла у меня часть имущества, чтобы покрыть долги перед казной.

– Как же Роберт? Она так любит брата!

– Видимо, любовь к новому фавориту не влияет на чувства, испытываемые ко мне. Кристофер помогает всеми силами. Без него я бы не выжила. Но скорее, это поддержка моральная. После свадьбы Елизавета распорядилась забрать у меня все украшения, которые дарил мне граф Лейстер. Якобы, опять в счет погашения долгов. Но это месть. Месть за то, что я посмела предать память любимого ею мужчины.

Не знаю, подействовал ли на меня тот разговор, но Кристофер Блант, в отличие от Дадли, мне нравился. И в дальнейшем он не раз доказывал преданность Летиции и нашей семье...

Установилась благоприятная погода, и корабли вышли из порта. На одном из них находился Роберт. Втайне от королевы, послушавшись ее приказа, он присоединился к Английской Армаде, двигавшейся в сторону Сантандера. Испанский порт, в котором находилась большая часть судов, являлся первой целью нападавших.

– На первый взгляд задача казалась простой, – Роберт вздохнул. – Почти все уцелевшие испанские корабли находились на ремонте в Сантандере. Их никто не защищал. К нашему нападению никто не готовился.

Тебе известно, чем все закончилось. Но я все же со слов Роберта перескажу быстро события, которые роковым образом повлияли на течение последующих лет.

Сначала все шло по плану, и Армада быстро двигалась к северу Испании. Но буквально в нескольких милях от цели их настиг шторм. Ближайший испанский порт, в котором могли укрыться англичане, располагался в Ла-Корунье. Туда и принял решение двигаться Дрейк. Он сумел потопить корабли, расположенные в порту. Не так там их много насчитывалось, чтобы этим гордиться, но лучше, чем ничего.

Погода не улучшалась. Английская Армада продолжала стоять возле Ла-Коруньи. Сэр Джон Норрис, возглавлявший пехоту, взял нижнюю часть города, убив около пятисот испанцев и разграбив винные погреба, в то время как Дрейк уничтожил тринадцать торговых кораблей в порту. Продолжал дуть западный ветер. Мимо Армады Дрейка спокойно прошли несколько испанских галер, которые везли продовольствие и оружие оборонявшимся в Ла-Корунье.

– Бездействие сказывалось на настроении команды, – говорил Роберт. – Мы попали в ловушку, подобную тем, что щедро расставлял Господь испанцам год назад. Чтобы поднять боевой дух, Дрейк приказал начать осаду верхней части Ла-Коруньи.

Пользуясь благоприятным направлением ветра, испанцы продолжали отправлять помощь осажденным. Поэтому, как только ветер переменился, Дрейк принял решение снять осаду и двигаться к Лиссабону. К сожалению, осада дорого обошлась англичанам: за две недели погибло несколько сотен человек.

– Голландцы повели себя как крысы, которые бегут с тонущего корабля! – возмущался брат. – Большинство из них повернули к берегам Англии, объясняя свое поведение не трусостью, а необходимостью отвести раненых и починить суда.

Если бы не потерянное из-за погоды время, нападение на Лиссабон стало бы более успешным. Разведка доносила, город обороняется с помощью недружественно настроенного к испанцам гарнизона. Дрейк и Норрис считали, проблем с освобождением Лиссабона не предвидится. Но за время, что англичане провели у Ла-Коруньи, испанцы успели укрепить оборону. Так же не оправдался расчет на восстание португальцев, которые должны были подорвать испанское сопротивление внутри города.

Дрейку, однако, удалось захватить несколько торговых судов, что хоть как-то компенсировало затраты на кампанию королевы. Взять Лиссабон у англичан не получилось...

– Мы находились почти у цели. Я попал копьём прямо в ворота города! – гордо вещал Роберт. – Труссы-португальцы не стали рисковать. С такими людьми нельзя иметь дело!

Да, удар копья Роберта произвел впечатление. Он не помог взять город, зато позже позволил добиться прощения королевы. Впрочем, по порядку. Итак, выбора не оставалось: Дрейк повел корабли к Азорским островам. Но и здесь ему не удалось достичь цели. Испанцы, полностью осознав опасность, пресекли все попытки прорваться к островам. Они потопили несколько кораблей Дрейка. Из-за болезней и ранений Норрис был вынужден отправиться с частью судов обратно к берегам Англии. Дрейк остался в море. Он хотел хотя бы захватить торговые корабли, которые шли из Америки. Не прекращавшийся шторм не позволил ему сделать даже это.

Королева вернула лишь треть затраченных денег, потеряв около сорока кораблей и тысячи человек убитыми или умершими от болезней. Роберт считал, что поход Английской Армады нанес большой урон испанцам:

– Нельзя считать нас побежденными, – утверждал он. – Мы заставили испанцев на несколько лет отложить приготовления флота к следующему нападению на Англию. Пусть мы не достигли ни одной цели, зато потрепали врага, как следует!

Не знаю. Женщине судить о подобных вещах сложно. Но я никогда после гибели Филиппа в Нидерландах не считала смерть людей достойным итогом любого дела. До смерти Сидни я просто об этом не задумывалась. Хотя меня и ужасали деяния отца в Ирландии, только гибель

любимого человека заставила посмотреть на войну другими глазами. А Роберт все больше становился похожим на Уолтера Деврё. Остановить его порывы было некому – королева гневалась на фаворита не долго, а мы с мамой уже не являлись для него авторитетом.

Прием, оказанный Роберту королевой, удивил приближенных. Они знали не понаслышке о ее гневе, вызванном тайным бегством Роберта на корабль Дрейка. Елизавета посылала письмо за письмом с приказами Эссексу вернуться. Ситуацию ухудшали, конечно, и неудачи, которые преследовали Армаду. Победителей принято прощать. Именно поэтому двор был уверен: фавориту несдобровать.

Прекрасно понимая: ей путь к королеве закрыт, мама попросила своего отца, сэра Френсиса Нолиса, замолвить за внука слово. Деду тогда исполнилось семьдесят восемь лет. Он служил еще Генриху, отцу Елизаветы. Несколько десятков лет он являлся членом Парламента. Лишь при королеве Марии сэр Френсис вместе с семьей был вынужден покинуть Англию – он не изменил своей вере и, будучи протестантом, поселился в Германии. Смерть Марии позволила ему вернуться на родину.

Надо сказать, сэр Френсис никогда не одобрял маминого брака с графом Лейстером. Отчасти, свадьба тогда состоялась из-за беременности мамы. Второй причиной был всем известный жесткий нрав деда. Он настаивал на официальной церемонии, постоянно напоминая Летиции о предыдущей любовнице графа, которая имела от него незаконнорожденного ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.